

982
716

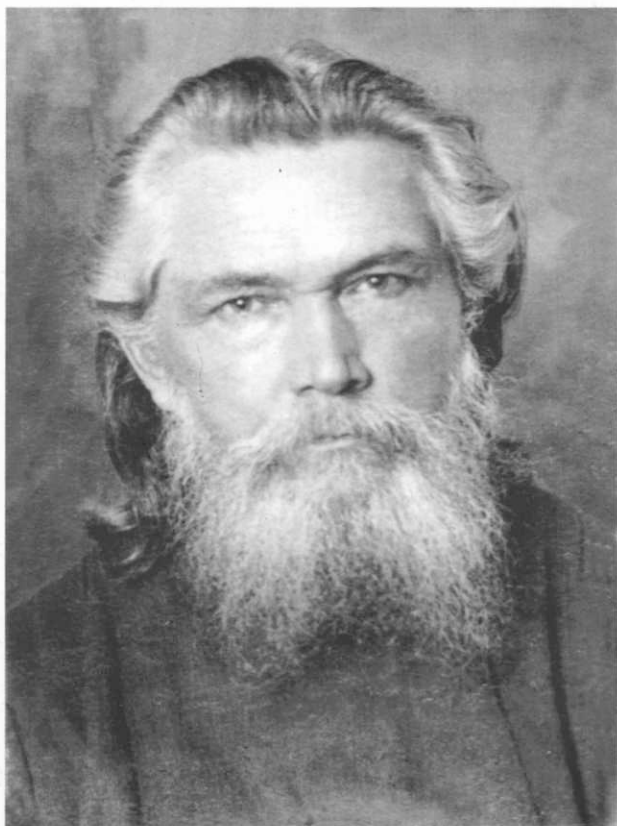
118

2003 г.
№2.

с 18

ТАЛЫЦЫ

Протоиерей Верномудров Федор
Федорович, 1925г.

ЖЕ 100481

Тальцы • 2(18) • 2003

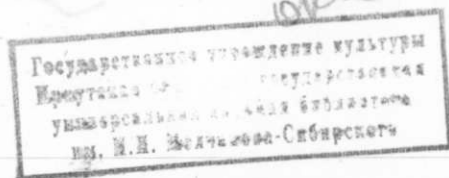
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
• ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Свящ. Л. Никифоров, М.Л. Никифорова. Бог вечен... Бог есть любовь	3
Л.Н. Харченко. Миссионер-священник Иаков Чистохин	11
С.В. Снопков. Священник Култукской Свято-Николаевской церкви Иннокентий Иванович Чуринов	19
Н.Н. Наумова. Духовенство Иркутской губернии в начале XX века	26
Т.А. Крючкова, Ю.П. Лыхин. «Я до последних дней внушал любовь к Отечеству...»	33
И.В. Швец. Священник Михаил Семенович Мещеряков	43
У НАС В ГОСТЯХ	
В Саянске освящен новый храм: Интервью с протоиереем Алексеем Серединым	51
МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ	
А.К. Нефедьева. Сельский погост (история создания одной экспозиции)	60
КОНФЕРЕНЦИИ	64
НОВЫЕ КНИГИ	65
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ	
В. Никифоров-Волгин. Юродивый	67
В ЧАС МОЛИТВЫ	
Молитвы сибирским святым	70

Учредитель и издатель: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы»

Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05

Редакционная коллегия: канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), А.К. Нефедьева, В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редактор-составитель номера: Ю.П. Лыхин

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Компьютерный набор: А.В. Горбунова, О.А. Стафеева

Оригинал-макет: Ю.С. Макарова

Подготовка к печати: Изд-во «Макаров»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г., выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05, факс (8-3952) 20-10-92, E-mail: talci@irk.ru

На обложке:

- С. 1 — *Церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы в г. Саянске Иркутской области. 2003 г. Фото М. Жабинского*
- С. 2 — *Протоиерей Федор Федорович Верномудров. 1925 г.*
- С. 3 — *Церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы в г. Саянске Иркутской области. Иконостас главного (верхнего) храма. 2003 г. Фото Т. Крючковой*
— *Интерьер нижнего придела. 2003 г. Фото Т. Крючковой*
- С. 4 — *Часовня Тальцинского погоста. 2003 г. Фото В. Тихонова*

Подписано в печать 21.11.03. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,5. Уч.-изд. л. 4,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 4047. Цена свободная.

Отпечатано в Изд-ве «Макаров»

© АЭМ «Тальцы», 2003

БОГ ВЕЧЕН... БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ

*Леонид Никифоров,
священник,
Марина Леонидовна
Никифорова, научный
сотрудник Архитектурно-
этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

Стремительно движение времени... Век прошедший выглядит сжатым и словно лишенным жизни, поскольку она, обесценившись как дар Творца в сознании людей, утратила изначальную свою значимость. События прошлого века воспринимаются многими как некая застывшая схема, вызывающая ложное ощущение прерванности времени. И судьбы людей в этой схеме — словно нереальные истории, не представляющие интереса, могут казаться оборванными, как бы незавершенными, не имеющими связи с современной жизнью. Это порой служит поводом для возникновения иллюзии того, что может быть какая-то иная сила, движущая и сохраняющая жизнь. Век двадцатый явил многие признаки окончания жизни мира. В событиях его множество подтверждений евангельских слов о том, что в последние времена «по причине умножения беззакония во многих охладет любовь» (Матфей, гл. 24, ст. 12). Но события того же века свидетельствуют и о том, что любовь, хранящая мир, пребудет всегда, она имеет место своему проявлению во все времена, ее просто нужно уметь узнавать в событиях прошлого и настоящего, при этом будет видна связь времен в судьбах людей. Тогда станет ясно, что нужен не поиск нового начала жизни, а обретение Вечной Истины...

Причиной, послужившей началом этих размышлений, стал приезд из Москвы в Иркутск, а затем в Тункинскую долину в августе 2001 года Натальи Ивановны Рекурьянц. Она сообщила нам о том, что ее дед, Исидор Петров, был священником в Тункинской долине, и просила отпеть его. Отпевание было совершено

**Отец Исидор с женой
и детьми. 1914 г.**

на месте бывшего Свято-Никольского храма в селе Никольск Тункинского района, на месте его последнего служения. С Натальей Ивановной приехали ее сын Сергей и двоюродная сестра Наталья Викторовна Севостьянова, живущая в Иркутске. О том, кем были их дед, они узнали совсем недавно, в 2000 году. За два года был собран большой архивный материал, рассказывающий о земном пути священника-миссионера Исидора Петрова, пути, за которым можно увидеть внутреннее движение

жизни, ощутить дыхание Духа животворящего.

Священник Исидор Лукич Петров, сын крестьянина из Чувашии, родился 17 декабря 1885 года в деревне Марково Ядринского уезда Казанской губернии. О том, где и как он служил, о его семье мы узнаем из иркутских клировых ведомостей начала XX века. Исидор Петров получил достаточно хорошее по тем временам образование. В 1900 году окончил двухклассную школу миссионерского братства Св. Гурия и в сентябре того же года был принят в Кизическую церковно-приходскую монастырскую школу, курс которой окончил в 1901 году. Исидор Петров обладал музыкальными способностями, с 1900 по 1903 год состоял певцом в хоре викарного епископа Казанской епархии. В его семье было четыре брата и мачеха, жившие в Казанской губернии. Когда и по какой причине он приехал в Иркутскую губернию, пока мы не знаем, известно только, что с мая 1904 по июль 1909 года он проживал в Иркутском Князе-Владимирском монастыре в качестве послушника и продолжал учебу. В 1906 году будущий священник окончил двухклассную школу при Иркутской церковно-учительской семинарии, затем был принят уже в саму семинарию и в 1909 году, успешно окончив ее, получил звание учителя народных школ. В том же 1909 году Исидор Лукич Иркутским миссионерским комитетом был назначен учителем миссионерской школы Шимковского стана в Тункинской долине. Здесь при

церкви Михаила Архангела была достаточно большая школа, построенная в 1895 году, при отце Исидоре в ней обучалось 33 мальчика и 15 девочек.

В Шимковском селении молодой учитель познакомился со своей будущей женой, Екатериной Павловной Леонтьевой, дочерью иркутского мещанина. Екатерина Павловна родилась и выросла в Шимках, где большая часть жителей были буряты, поэтому она с детства хорошо знала их язык. Окончив в 1909 году курс Тункинского двухклассного училища, она могла преподавать в школе. В 1910 году Исидор Лукич и Екатерина Павловна поженились. Еще

**И.Л. Петров
во время ареста**

некоторое время после этого жили в Шимках, а в сентябре 1911 года Исидор Лукич был рукоположен в сан дьякона и определен к Зиминской Троицкой церкви. Здесь кроме своего основного занятия он обучал пению детей в местной церковно-приходской школе, а также был регентом церковного хора.

В 1912 году отец Исидор обратился в Иркутский миссионерский комитет с просьбой о переводе в Тункинский район, направил прошение правящему в то время архиепископу Иркутскому и Верхотленскому Серафиму. Преосвященный Иоанн в своем прошении архиепископу Серафиму характеризует молодого священника так: «в нравственном отношении он доселе был скромным и трезвым, церковным и благорассудным человеком», кроме того, в качестве веского аргумента приводит то, что жена отца Исидора хорошо знает бурятский язык, «а ему поставлено в обязанность, чтобы и он изучил этот язык и был миссионером не по имени только, но и на деле».

О служении отца Исидора в Тункинской долине сведений не так много, но жизнь священника-миссионера конца XIX – начала XX века легко можно представить, читая записи, опубликованные Иркутским миссионерским комитетом: «деятельность миссионера заключалась в поднятии религиозно-нравственного уровня оседлых инородцев и русского населения, в расширении и проведении в жизнь населения начального образования, в улучшении народного здоровья и ограждении православных от натисков иноверия и безверия». В миссионерских станах условия жизни и служения священника были намного тяжелее, чем в других местах. Особенностью Тункинского

района была разбросанность миссионерских станов, они были раскинуты большей частью по степи, значительно затрудняло сообщение с инородцами обилие озер и болот. Некоторые станы, например Коймарский, частично расположены на отрогах Саян. Одной своей частью Тункинский миссионерский район тянется через высокий горный хребет по монгольской границе. В такие миссионерские станы возможно было добраться только верхом. Горные потоки, изобилующие здесь, во время частых их разливов делали совершенно недоступными станы Окинский, Мондинский и Ниловой пустыни. Помимо условий топографических в отношении средств сообщения важную роль играли территориальные условия: для Тункинской долины характерно было наличие множества небольших улусов, расположенных на значительном расстоянии друг от друга. Нужно учитывать и тот факт, что в Тункинском крае русского населения по сравнению с бурятским было очень мало. Как видим, в жизни священника-миссионера существовало много трудностей, но они не останавливали отца Исидора в его стремлении служить Богу, просвещать людей.

Вообще же миссионеры в Тункинском крае были достаточно образованными, имели соответствующую подготовку и знания. Священники-миссионеры хорошо знали бурятский язык и изъяснялись на нем. Успешная деятельность станом и церквей во многом зависела и от личности самих миссионеров. Большинство миссионеров, работавших в разное время в Тунке, использовали бурятский язык в проповедях и при общении с местными жителями, что вызывало у последних доброжелательное и доверительное отношение. Каждый из миссионеров действовал соответственно опыту и ситуациям, применяя в практике различные способы и средства преодоления влияния ламаизма и шаманизма на своих прихожан.

Священник Исидор Петров немало сил положил на миссионерскую деятельность. Судя по собранным материалам, он был очень активным и деятельным человеком. В 1912 году, сразу после рукоположения в священнический сан, он был определен в Балаганский уезд Иркутской епархии — в Нельхайский стан. Здесь отец Исидор кроме богослужения преподавал в нескольких училищах близлежащих селений — Бахтайском двухклассном, Тыгытуйском переселенческом и Загалзайском инородческом. Условия жизни были тяжелые, ездить в училища приходилось за 15–20 верст, в клировых ведомостях за 1912 год читаем о том, что дом для священника требует основательного

В 1913 году отец Исидор по его прошению был переведен в Благовещенскую церковь Коймарского стана в Тункинском районе, здесь он стал членом благочиннического совета. К его церкви были приписаны две часовни и четыре церкви, находящиеся в близлежащих станах (в Жимыгтах, Аршане, Кутуне и др.), которые курировал отец Исидор. Кроме того, в его ведении находились и школы: Коймарская церковно-приходская, миссионерская и инородческая, Жимыгтская церковно-приходская и инородческая, а также Гужирская и Тирская инородческие.

К многочисленным приходским, миссионерским и учительским обязанностям отца Исидора добавлялась необходимость ведения домашних дел. Он не только объезжал со служением все находящиеся в его ведении селения, обучал грамоте и Закону Божьему бурятских и русских детей, но и воспитывал собственных детей. В семье Петровых их было семеро: Константин, 1911 года рождения; Зоя, 1913 г. р.; Петр, 1914 г. р.; Ольга, 1916 г. р.; Евфимия, 1919 г. р.; Любовь, 1924 г. р.; Елена. 1926 г. р.

С 1922 года он служил в селе Никольск Тункинского района, а в 1928 году, во время всеобщих арестов,

6. УТВЕРЖДАЮ:
Апреля 1938 г.

УМВД по Иркутску
Иркутское Губернское

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения

Город Иркутск 1938 г. Иркутск

Наказ след. и Суд. УМВД Иркут. обл.

Иркутскому Губернскому

Иркутскому Следственному материал по делу № _____ и призна во вину, что _____

Убийство Оскар Думи 1895 года рождения, уроженца Чувашской АССР _____

судящих религиозного культа, Губернского в-ва, "Будильник" _____

находящегося в г. Иркутске № 123, к. 3.

дополнительно изобличается в том, что _____ является участником контрреволюционной, белогвардейской, японско-полицейской организации в г. Иркутске.

Следственный отдел

Следственный отдел

Постановил:

1. Приговор _____ арестовать в качестве обвиняемого по ст. ст. _____

59-1, 59-2, 59-3, 59-4, 59-5, 59-6, 59-7, 59-8, 59-9, 59-10, 59-11, 59-12, 59-13, 59-14, 59-15, 59-16, 59-17, 59-18, 59-19, 59-20, 59-21, 59-22, 59-23, 59-24, 59-25, 59-26, 59-27, 59-28, 59-29, 59-30, 59-31, 59-32, 59-33, 59-34, 59-35, 59-36, 59-37, 59-38, 59-39, 59-40, 59-41, 59-42, 59-43, 59-44, 59-45, 59-46, 59-47, 59-48, 59-49, 59-50, 59-51, 59-52, 59-53, 59-54, 59-55, 59-56, 59-57, 59-58, 59-59, 59-60, 59-61, 59-62, 59-63, 59-64, 59-65, 59-66, 59-67, 59-68, 59-69, 59-70, 59-71, 59-72, 59-73, 59-74, 59-75, 59-76, 59-77, 59-78, 59-79, 59-80, 59-81, 59-82, 59-83, 59-84, 59-85, 59-86, 59-87, 59-88, 59-89, 59-90, 59-91, 59-92, 59-93, 59-94, 59-95, 59-96, 59-97, 59-98, 59-99, 59-100, 59-101, 59-102, 59-103, 59-104, 59-105, 59-106, 59-107, 59-108, 59-109, 59-110, 59-111, 59-112, 59-113, 59-114, 59-115, 59-116, 59-117, 59-118, 59-119, 59-120, 59-121, 59-122, 59-123, 59-124, 59-125, 59-126, 59-127, 59-128, 59-129, 59-130, 59-131, 59-132, 59-133, 59-134, 59-135, 59-136, 59-137, 59-138, 59-139, 59-140, 59-141, 59-142, 59-143, 59-144, 59-145, 59-146, 59-147, 59-148, 59-149, 59-150, 59-151, 59-152, 59-153, 59-154, 59-155, 59-156, 59-157, 59-158, 59-159, 59-160, 59-161, 59-162, 59-163, 59-164, 59-165, 59-166, 59-167, 59-168, 59-169, 59-170, 59-171, 59-172, 59-173, 59-174, 59-175, 59-176, 59-177, 59-178, 59-179, 59-180, 59-181, 59-182, 59-183, 59-184, 59-185, 59-186, 59-187, 59-188, 59-189, 59-190, 59-191, 59-192, 59-193, 59-194, 59-195, 59-196, 59-197, 59-198, 59-199, 59-200, 59-201, 59-202, 59-203, 59-204, 59-205, 59-206, 59-207, 59-208, 59-209, 59-210, 59-211, 59-212, 59-213, 59-214, 59-215, 59-216, 59-217, 59-218, 59-219, 59-220, 59-221, 59-222, 59-223, 59-224, 59-225, 59-226, 59-227, 59-228, 59-229, 59-230, 59-231, 59-232, 59-233, 59-234, 59-235, 59-236, 59-237, 59-238, 59-239, 59-240, 59-241, 59-242, 59-243, 59-244, 59-245, 59-246, 59-247, 59-248, 59-249, 59-250, 59-251, 59-252, 59-253, 59-254, 59-255, 59-256, 59-257, 59-258, 59-259, 59-260, 59-261, 59-262, 59-263, 59-264, 59-265, 59-266, 59-267, 59-268, 59-269, 59-270, 59-271, 59-272, 59-273, 59-274, 59-275, 59-276, 59-277, 59-278, 59-279, 59-280, 59-281, 59-282, 59-283, 59-284, 59-285, 59-286, 59-287, 59-288, 59-289, 59-290, 59-291, 59-292, 59-293, 59-294, 59-295, 59-296, 59-297, 59-298, 59-299, 59-300, 59-301, 59-302, 59-303, 59-304, 59-305, 59-306, 59-307, 59-308, 59-309, 59-310, 59-311, 59-312, 59-313, 59-314, 59-315, 59-316, 59-317, 59-318, 59-319, 59-320, 59-321, 59-322, 59-323, 59-324, 59-325, 59-326, 59-327, 59-328, 59-329, 59-330, 59-331, 59-332, 59-333, 59-334, 59-335, 59-336, 59-337, 59-338, 59-339, 59-340, 59-341, 59-342, 59-343, 59-344, 59-345, 59-346, 59-347, 59-348, 59-349, 59-350, 59-351, 59-352, 59-353, 59-354, 59-355, 59-356, 59-357, 59-358, 59-359, 59-360, 59-361, 59-362, 59-363, 59-364, 59-365, 59-366, 59-367, 59-368, 59-369, 59-370, 59-371, 59-372, 59-373, 59-374, 59-375, 59-376, 59-377, 59-378, 59-379, 59-380, 59-381, 59-382, 59-383, 59-384, 59-385, 59-386, 59-387, 59-388, 59-389, 59-390, 59-391, 59-392, 59-393, 59-394, 59-395, 59-396, 59-397, 59-398, 59-399, 59-400, 59-401, 59-402, 59-403, 59-404, 59-405, 59-406, 59-407, 59-408, 59-409, 59-410, 59-411, 59-412, 59-413, 59-414, 59-415, 59-416, 59-417, 59-418, 59-419, 59-420, 59-421, 59-422, 59-423, 59-424, 59-425, 59-426, 59-427, 59-428, 59-429, 59-430, 59-431, 59-432, 59-433, 59-434, 59-435, 59-436, 59-437, 59-438, 59-439, 59-440, 59-441, 59-442, 59-443, 59-444, 59-445, 59-446, 59-447, 59-448, 59-449, 59-450, 59-451, 59-452, 59-453, 59-454, 59-455, 59-456, 59-457, 59-458, 59-459, 59-460, 59-461, 59-462, 59-463, 59-464, 59-465, 59-466, 59-467, 59-468, 59-469, 59-470, 59-471, 59-472, 59-473, 59-474, 59-475, 59-476, 59-477, 59-478, 59-479, 59-480, 59-481, 59-482, 59-483, 59-

Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения И.Л. Петрову. 1938 г.

гонений на священнослужителей, отец Исидор был осужден по статье 61, его приговорили к году лишения свободы. После освобождения вернулся в Никольск. В 1932 году, 8 июня, вновь был арестован и осужден постановлением тройки ПП ОГПУ ВСК по статьям 58-2, 58-10, 58-11 УК РСФСР на 5 лет лишения свободы. После освобождения жил в Иркутске и некоторое время работал кассиром-инкассатором в Иркутской промартели «Шубник». 8 апреля 1938 года отца Исидора снова арестовали, теперь он был осужден постановлением НКВД СССР и Прокуратурой СССР от 5 сентября 1938 года по статьям 58-1 «а», 58-2, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Отца Исидора, как и многих священно- и церковнослужителей, в те суровые годы несправедливо обвиняли в том, что он в 1931 году являлся руководителем повстанческой ячейки в селе Никольском, ставившей целью свержение советской власти, а в 1938 году являлся участником контрреволюционной белогвардейской шпионско-повстанческой организации в Иркутске. Он был приговорен к расстрелу, приговор привели в исполнение 28 ноября 1938 года. В октябре 1957 года дело было пересмотрено и прекращено определением военного трибунала Забайкальского военного округа за отсутствием состава преступления.

Только в конце 1980-х годов в СССР дела многих репрессированных стали пересматривать, шла массовая реабилитация жертв сталинских репрессий. Исидор Лукич Петров заключением прокуратуры Иркутской области был реабилитирован на основании статьи I Указа Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

И теперь, когда прошло около 65 лет со дня кончины отца Исидора, его потомки снова на Тункинской земле. Наталья Ивановна считает, что молитвы ее деда повлияли на ее судьбу и судьбу близких ей людей. Прежде всего она, казалось бы случайно, стала петь в церковном хоре, сначала пела как профессионал, и только значительно позже последовало ее воцерковление. Лишь теперь, узнав о том, что ее дедушка был священником-миссионером, она стала осознавать, сколь велико влияние загробной молитвы предков на судьбы потомков, только теперь стали понятны причины некоторых неожиданно принятых ею решений, стали понятны причины загадочных обстоятельств, возникавших в ее жизни. «Молитва деда, — считает она, — вот разгадка этих тайн». Теперь Наталья Ивановна — церков-

ный человек, и жажда общения с Богом унаследована ею от деда, она с уверенностью говорит, что и стремление служить Богу даровано ей по его молитвам.

Другая внучка отца Исидора — Наталья Викторовна Севостьянова — педагог, преподаватель биологии, эколог, человек, увлеченный своей профессией, не замечающий времени в работе и в общении с детьми. Окружающие удивляются тому, откуда у нее на все берутся силы. «Это все дед, — говорит она, — теперь то все понятно. Он же был священником и учителем. Это все от него, и учительство и силы по его молитвам Бог дает».

Но остается еще одна, казалось бы, неразрешимая, непонятная для нашего времени загадка: почему все эти годы молчали дети отца Исидора, ничего не говорили о нем? Даже когда шел поиск документов о его жизни, смерти и реабилитации — молчали. Только утвердительно кивали головой, отвечая на вопрос: «Вы ЗНАЛИ?», — и лишь тень улыбки на лице. А что же за ней, за этой затаенной улыбкой? Думается, умение любить, храня тайну. Любить и молчать для того, чтобы не сделать больно другим, хранить тайну для того, чтобы не потерять любовь. Время может сделать привычным умолчание, но где взять силы, чтоб сохранить любовь? Очевидно, в этом же вопросе скрыт ответ на него: поскольку любовь есть лишь там, где есть любящий и есть тот, кого любят. Любовь потомков отца Исидора к нему сохранилась, потому что и его любовь к ним всегда согревала и согревает их сердца.

P.S. Спустя полгода, весной 2002 года, из Москвы пришло известие о том, что Наталья Ивановна, много лет ухаживавшая за своей больной матерью, сама тяжело больна. А еще несколько месяцев спустя, после Петрова дня, погиб ее двадцатисемилетний сын Сергей.

Позднее Наталья Ивановна звонила, кратко сообщая некоторые подробности происшедшего, испрашивая молитв о себе и своем единственном сыне. Ища утешения, она говорила о том, что сын очень переживал, узнав о ее болезни, и что, очевидно, Господь забрал его потому, что он не смог бы пережить ее возможной преждевременной кончины.

Сергей с малых лет был в церкви, ходил с мамой в храм на богослужение, много общался с монахами в монастырях, но (лет с семнадцати), поступив в вуз, несколько отдалился от церковной жизни. Спустя же десять лет, когда на его попечении оказались мать и бабушка и многие иные заботы легли на его плечи,

произошли эти события — события, которые своей неожиданностью и стремительностью развития дали возможность подняться над временем, увидеть открывшееся внутреннему взору прошлое, трезвее взглянуть на настоящее — более отстраненным от земных проблем взглядом, задуматься о будущей встрече с вечностью, присутствующей и действующей уже сейчас, во всем, сегодня, как и вчера.

Нужно отметить, что общение наше с родственниками отца Исидора было непродолжительным: всего несколько телефонных разговоров с Натальей Ивановной и Натальей Викторовной; общая молитва в храме в Тунке, куда они успели приехать из Иркутска к концу литургии, а Сергей прилетел в тот же день ночью из Москвы и вскоре должен был возвращаться обратно; отпевание отца Исидора на месте Свято-Никольского храма. После этого состоялась их поездка по местам его служения, завершившаяся молебном в Аршанском храме. Еще была одна встреча с Натальей Ивановной в Иркутском архиве, где она передала материалы, собранные в архивах Москвы, Иркутска, Улан-Удэ.

Разговоры наши, к сожалению, не записывались, не было и встреч с детьми отца Исидора, лишь рассказы о них. Но дело не в том, что неизвестны многие подробности из жизни потомков отца Исидора, а в том, что Бог благоволил осветить отрезок времени, открыв судьбы людей так, что стало возможным увидеть и почувствовать проявление той таинственной силы, которая дает движение времени, которая может возвысить человека над ним, и эта таинственная сила есть любовь, которая «покрывает все грехи» (Притчи Соломона, гл. 10, ст. 12), которая «долготерпит, милосердствует» (1 Кор., гл. 13, ст. 4).

Возникает вопрос: чем был вызван порыв этих людей, что заставило их оставить многие неотложные дела и совершить эту поездку, совершить этот труд?.. Очевидно главное — их сердца откликнулись на призыв, идущий из вечности.

МИССИОНЕР-СВЯЩЕННИК ИАКОВ ЧИСТОХИН

*Любовь Николаевна Харченко,
кандидат исторических наук,
доцент Иркутского государственного
университета путей сообщения,
г. Иркутск*

Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Восточной Сибири восходит ко второй половине XVII века, времени интенсивного освоения этого региона. Официальная ее история начинается в период царствования Федора Алексеевича Романова, когда в 1681 году по распоряжению патриарха Иоакима за Байкал были отправлены первые православные миссионеры. С тех пор деятельность православной миссии не прекращалась до 1917 года, однако ее успешность на разных исторических этапах зависела от государственной поддержки и в большой степени от умения местных архиереев организовать дело должным образом. В этом смысле в разное время многое было сделано иркутскими епископами Иннокентием (Неруновичем, 1732–1747), Нилом (Исаковичем, 1838–1853), Парфением (Поповым, 1860–1873), Тихоном (Троицким, 1892–1911).

Переводческая деятельность являлась одной из важных составляющих миссионерской работы. Хорошо понимая это, иркутские иерархи старались привлечь к ней наиболее талантливых миссионеров, в первую очередь выходцев из коренных народностей. В Восточной Сибири и за ее пределами хорошо известны имена таких переводчиков, как А. Бобровников, Н. Болдонов, А. Медведев и другие.

Во второй половине XIX века особенно заметной фигурой в переводческой деятельности стал миссионер отец Иаков Чистохин. Он родился в Агинском бурятском ведомстве Забайкальской области. Образование получил в местном инородческом училище. Одаренный юноша был замечен миссионером Посольского Спасо-Преображенского монастыря иеромонахом Мелетием (Якимовым, с 1889 г. епископом Якутским) и привлечен им к переводческой деятельности. В этот период в Забайкалье довольно активно действовало буддийское духовенство, которое в миссионерском плане работало более успешно, чем предста-

вители православной церкви. По этой причине процесс христианизации бурятского населения там во второй половине XIX века в значительной мере замедлился. Так, например, из 27 235 бурят Агинского ведомства, по статистическим данным, православными значились только 401 человек.

В 1873 году Мелетий возглавил Иркутскую миссию. В целях повышения эффективности переводческого дела он в 1874 году отправился в Казань для изучения популярных тогда методов перевода Н.И. Ильминского при переводческой комиссии им. Св. Гурия. Успехи Иакова Чистохина в переводах богослужебной литературы были настолько очевидны, что Мелетий взял его с собой. По приезде из Казани, в 1875 году, Иаков Чистохин поступил в духовное ведомство и был определен епископом Вениамином (Благонравовым, 1873–1892) псаломщиком в Молькинский миссионерский стан. В 1877 году отец Иаков вторично был командирован в Казань, где в течение года занимался переводом богослужебных и религиозно-нравственных книг на бурятский язык. На протяжении всего этого периода он работал в Казанской духовной академии под руководством профессора-монголиста В.В. Миротворцева. Год, проведенный там, завершился достаточно плодотворно. На бурятский язык были переведены следующие книги: «Учение перед принятием св. Крещения», «Учение о св. христианской вере, изложенное в беседах с бурятами», «Священная история Ветхого и Нового завета» и «Жития Св. Николая, епископа Мирликийского». Все книги были изданы в 1877–1878 годах на наречии северобайкальских бурят в Казани православным миссионерским обществом.

В 1879 году И. Чистохин за заслуги в переводческой деятельности епископом Вениамином был удостоен священнического сана и назначен на должность миссионера к Шимковской Михаило-Архангельской церкви, в 1883 году — в Окинско-Мондинский миссионерский стан, а затем в 1890 году в Коймарский Парфениевский стан, где проходил службу до своей кончины в 1901 году. По свидетельству современников, отец Иаков обладал большим природным умом, любознательностью и энергией. Не получив хорошего образования, он постоянно и много читал, стараясь таким образом восполнить пробелы. Годы активной миссионерской практики и неустанный труд в плане самобразования сделали его признанной авторитетной величиной в переводческом деле Иркутской миссии. При его непосредственном участии увидели свет переводы таких богослужеб-

Епископ Нил (Исакович). Фото из фонда Научной библиотеки Иркутского университета

ных и религиозно-нравственных книг, как: «Чин божественной литургии Св. Иоанна Златоустого» (перевод на наречие северобайкальских бурят) (Иркутск, 1896); «Первоначальный учебник русского языка для бурят» (Иркутск, 1896); «Огласительное поучение готовящимся ко святому крещению язычникам» (Иркутск, 1896) и другие.

В 80–90-х годах XIX века ощущалась острая нехватка учебной литературы и в бурятских, и в миссионерских школах Иркутской губернии и Забайкальской области. Это произошло из-за непростой ситуации в переводческом деле. Следует отметить, что во второй половине XIX века было несколько точек зрения по поводу перевода литературы на

бурятский язык. К этому времени в стране существовали две классические общепризнанные школы монголоведения — в Санкт-Петербурге и в Казани. Однако в своей работе их представители постоянно обращались к большому практическому опыту иркутских специалистов. Каждая из этих школ имела собственные представления по поводу перевода литературы для широкого употребления среди бурятского населения. Иркутский архиепископ Нил (Исакович) считал, что переводы необходимо осуществлять на литературный монгольский язык. Аналогичную точку зрения разделяли и представители Санкт-Петербургской школы монголоведения. В 1853 году, оставив епископскую кафедру в Иркутске, Нил продолжал активно заниматься переводами, тесно сотрудничая в этом плане с профессорами монгольского языка Санкт-Петербургского университета — действительным статским советником А.В. Поповым (1858–1860), а затем статским советником К.Ф. Голстунским. По предложению Нила было напечатано несколько экземпляров духовных книг, переведенных на монгольский язык с транскрипцией

славянскими буквами. Обер-прокурор Св. Синода отправил их епископу Иркутскому и Нерчинскому Вениамину с просьбой прислать отзыв, «в какой степени удовлетворителен перевод означенных книг и стоит ли продолжать этот труд в том виде, как он напечатан». Из Иркутска эти книги, в свою очередь, были направлены викарию Мартиниану Селенгинскому с просьбой ознакомить с ними миссионеров и образованных инородцев и дать отзыв «о правильности и ясности для понимания сделанных переводов». Ответ оказался совершенно неожиданным хотя бы потому, что ставил под сомнение саму необходимость переводов. Мартиниан писал, что почти все крещеные и некрещеные инородцы Баргузинского и Кударинского ведомств умеют говорить по-русски, склонны к перемене кочевого образа жизни на оседлый, охотно обучают своих детей русской грамоте и «не находят нужным слышать богослужение на монгольском языке». В подтверждение приводилось мнение образованного бурята А.П. Батурина, бывшего заседателя Хоринской степной думы, о том, что местные буряты не понимают книжного монгольского языка и не в состоянии оценить переводы, подготовленные Нилом (Иркутские губернские ведомости. — 1893. — № 3. — Прибавления, с. 4–5). Затем следовало мнение о том, что при дальнейшем опубликовании переводов целесообразнее применять монгольский шрифт, более похожий на калмыцкий, которым напечатано «Евангелие» английских миссионеров, так как этот шрифт очень четок, похож на рукописный и доступен для чтения любому самоучке из бурят или новокрещеных.

И.А. Чистохин же, являвшийся практическим знатоком разговорного бурятского языка, высоко оценивал переводы преосвященного Нила. Однако, наряду с явным достоинством переводов, сделанных на книжном монгольском языке, он отмечал и их существенный недостаток, состоявший в том, что этот язык был недоступен для простого народа и, как правило, плохо знаком основной массе местных миссионеров. По этой причине популяризация переводов затруднялась. Собственные переводы на монгольский язык осуществляли и представители казанской школы монголоведения, но их работы довольно часто вызывали критику иркутских и забайкальских знатоков монгольского языка. Таким образом, из-за принципиальных разногласий переводческая деятельность заходила в тупик.

Тем не менее попытки создания учебной литературы на бурятском языке в Иркутской епархии все же не прекращались.

Так, в 1878 году протоиерей А.М. Орлов издал в Казани грамматику бурятского разговорного языка, но учебный комитет при Св. Синоде, ввиду неблагоприятных отзывов лектора Санкт-Петербургского университета протоиерея Н. Доржеева и кандидата факультета восточных языков А. Позднеева, признал невозможным одобрить ее в качестве учебника. Несколько лет между А.М. Орловым и столичными специалистами шла оживленная дискуссия по этому поводу в центральной печати, в частности в «Журнале Министерства народного просвещения». Пока же велись ученые споры, жизнь выдвигала настоятельные требования книг и учебных пособий для бурятских школ. Очень хорошо понимая важность первоначального образования для бурятского населения, миссионеры и учителя бурятских школ ведут собственные поиски эффективных путей в переводческом деле. И. Чистохин стал одним из таких деятельных и неутомимых тружеников. Ранее других работа по подготовке учебной литературы началась под его руководством в Тункинском крае. Несомненной заслугой отца Иакова как миссионера является то, что он не только мог хорошо организовать творчес-

Архиепископ Тихон (Троицкий), митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов), епископ Вениамин (Благонравов). Фото из фонда Научной библиотеки Иркутского университета

кий процесс по подготовке учебной литературы, но и сам постоянно работал над переводами книг как богослужебного, так и учебного характера, среди которых «Книга для чтения в бурятских школах», «Первоначальный учебник русского языка для бурят», в 1900 году переизданный с дополнениями.

1893 год стал временем активизации переводческой деятельности Иркутской миссии. Это связано с восшествием на епископскую кафедру Тихона (Троицкого, 1892–1911), который лично возглавил дело переводов, создав переводческую комиссию. И. Чистохин стал самым деятельным ее членом и принимал участие во всех ее трудах. Очевидность бесспорного авторитета отца Иакова как переводчика подтверждается тем, что заседания переводческой комиссии, как правило, были приурочены к тем дням, когда он по служебным или частным делам приезжал в Иркутск. В самом общем виде работу переводческой комиссии можно представить следующим образом: статьи, которые необходимо было перевести, высылались отцу Иакову, а через некоторое время он возвращал их уже с переводом. Члены комиссии тщательно сверяли перевод с оригиналом, особое внимание обращая на то, насколько точно передан смысл подлинника. Если дефекты были незначительными, то они сразу же устранялись, в противном случае перевод снова возвращался к миссионеру и он предпринимал усилия по его выверению и исправлению при содействии местных бурят. По свидетельству очевидцев, случалось так, что иногда перевод путешествовал из Иркутска в Коймары и обратно пять-шесть раз, пока не вырабатывалось окончательное решение. Когда же перевод признавался удовлетворительным, начинались новые трудности с его транскрипцией.

В ходе своей деятельности переводческая комиссия приняла решение делать переводы на наречие тункинских бурят. Уже существовавшие переводы были понятны только образованным бурятам селенгинского ведомства, в то время как в тункинском, аларском, капсальском и других ведомствах монгольского языка не знали и не понимали. Кроме того, как уже отмечалось, во второй половине XIX века в этом крае особенно активно действовали буддийские миссионеры, представлявшие наибольшее противодействие православным миссионерам. Таким образом, переводные тексты писали русскими буквами, с условием, чтобы слова передавались так, как произносятся.

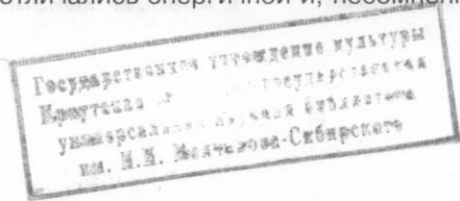
К 1897 году при постоянном и деятельном участии отца Иакова комиссия издала «Чин литургии Св. Иоанна Златоустого»,

«Первоначальный учебник русского языка для бурят», «Огласительное поучение готовящимся к святому крещению язычникам», «Чин исповедания». Была подготовлена к печати брошюра «Правдивое слово к бурятам». Все книги были изданы на наречии тункинских бурят и очень быстро разошлись. Однако дальнейшая издательская деятельность комиссии временно прекратилась. Причиной, как это часто бывает, стало отсутствие средств.

На протяжении всего периода миссионерского служения в Тункинском крае Иаков Чистохин являлся одним из деятельных членов ВСОИРГО. Выходец из бурят, постоянно проживавший в миссионерских станах и по роду своей деятельности связанный с народной средой, он хорошо знал обычаи и верования бурят, занимался исследованием особенностей распространения буддизма в Тункинском крае и в Забайкалье. Широко известны и по-прежнему интересны этнографические исследования отца Иакова, опубликованные в «Известиях ВСОИРГО» и в «Иркутских епархиальных ведомостях». К ним относятся: «Сохор-Ноин. Местное предание тункинских бурят»; «Инородческие загадки Тункинского края»; «Историческая заметка о первоначальном распространении христианства и ламаизма среди Торских и Кыренских инородцев»; «Обычаи тункинских бурят-ламаитов при рождении детей, свадьбах и похоронах»; «Жилища, нравы и обычаи Тункинских бурят» и другие.

Кроме того, И. Чистохин принимал активное участие в содействии различным научным предприятиям ВСОИРГО, а также оказывал помощь членам научных экспедиций Общества. Так, например, им была получена благодарность ВСОИРГО за содействие Саянской экспедиции. Собрав обширные этнографические и исторические материалы о бурятах, отец Иаков неоднократно предоставлял их отделу для экспонирования на Нижегородской, Парижской и других выставках и т. д. Иаков Чистохин также принимал участие в работе первой всеобщей народной переписи, за что был награжден медалью. Он как человек, вышедший из бурятской среды, прекрасно понимал ее, а как человек, получивший образование, находившийся на государственной службе и отмеченный наградами за свою деятельность, пользовался большим авторитетом, что давало ему возможность достаточно сильно влиять на своих соплеменников. Прихожане называли его ламой и охотно подчинялись его влиянию.

Таким образом, жизнь и миссионерское служение Иакова Чистохина отличались энергичной и, несомненно, полезной дея-

тельностью. Работы, ставшие воплощением его пытливого и творческого ума, и до настоящего времени представляют вполне определенный интерес для историков и этнографов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив Читинской области, ф. 19, оп. 2, д. 3, л. 1–246.

Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ), ф. 968, оп. 1, д. 2, л. 39.

НАРТ, ф. 10, оп. 1, д. 2259, л. 1–8.

Дроздов И. Краткий исторический очерк Иркутской миссии и ее современное состояние // Иркутские епархиальные ведомости. — 1910. — № 12. — Прибавления, с. 178–179.

Иркутские епархиальные ведомости. — 1893. — № 3. — С. 1–3.

Иркутские епархиальные ведомости. — 1901. — № 6. — С. 150–154.

Открытие при Иркутском комитете Православного миссионерского общества Комиссии для перевода священных, богослужбных и религиозно-нравственных книг на местный бурятский язык // Иркутские епархиальные ведомости. — 1893. — № 3. — Прибавления, с. 4–6.

Священник о. Иаков Чистохин: Некролог // Иркутские епархиальные ведомости. — 1901. — № 6. — Прибавления, с. 146–152.

Списки архиереев иерархии всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Св. правительствующего Синода (1721–1895 гг.). — СПб., 1896. — С. 66–67.

Чистохин И. Инородческие загадки Тункинского края // Известия ВСОИРГО. — 1893. — Т. XXVI.

Чистохин И. Историческая заметка о первоначальном распространении христианства и ламаизма среди Торских и Кыренских инородцев // Иркутские епархиальные ведомости. — 1898. — № 23–24.

Чистохин И. Обычаи тункинских бурят-ламаитов при рождении детей, свадьбах и похоронах // Иркутские епархиальные ведомости. — 1899. — № 19–20.

Чистохин И. Сохор-Ноин. Местное предание тункинских бурят // Известия ВСОИРГО. — 1893. — Т. XXVI.

СВЯЩЕННИК КУЛТУКСКОЙ СВЯТО-НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ ИННОКЕНТИЙ ИВАНОВИЧ ЧУРИНОВ

Н

*Сергей Викторович Снопков,
учитель школы № 7, пос. Култук,
Иркутская область*

Первая церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая в Култуке, одном из старейших населенных пунктов Прибайкалья, была построена в 1852 году. В течение последующих 65 лет в Култукской церкви служили по меньшей мере 11 священников. Среди священнослужителей этих лет в Култуке были неординарные личности, воспоминания о которых сохранились в документах и мемуарах путешественников.

Священником, оставившим наиболее заметный след в истории Култука, несомненно является Иннокентий Иванович Чуринов, который жил в Култуке с 1893 по 1916 год.

«Местный священник занят своим делом, кроме Култука у него приход по Тункинскому тракту 36 верст, то есть до села Тибельтей, до Снежной 75 верст», — писал корреспондент «Восточного обозрения» 11 февраля 1898 года о Чуринове. В 1913 году приход Култукской Свято-Николаевской церкви включал шесть населенных пунктов (села Култук и Тибельти, деревни Быстрая, Утулик, Мурино, Снежная), четыре приписных церкви (в с. Утулик — Предтеченская, в с. Тибельти — Ильинская, в д. Мурино — Покровская и в д. Быстрая — Духовская), две приписных часовни в

Священник И.И. Чуринов. Перерисовка со старой фотографии. Из фонда краеведческого музея школы № 7, пос. Култук

Кулутукская Свято-Николаевская церковь. Фото 1912 г. Из фонда краеведческого музея школы № 7, пос. Кулутук

Кулутке и Тибельти. В населенных пунктах прихода насчитывались 241 дом и 1381 проживавших в них душ.

В клировых ведомостях Кулутукской Свято-Николаевской церкви об отце Иннокентии сказано немного. Иннокентий Чуринов — сын обер-офицера. В 1883 году он окончил курсы Красноярской учительской семинарии и назначен учителем в Киренское городское приходское училище. Затем по его прошению переведен учителем в церковно-приходскую школу

при Нижне-Илимской Покровской церкви. В 1893 году рукоположен в сан священника при Кулутукской Николаевской церкви. Иркутская епархия неоднократно отмечала его заслуги перед церковью. За усердную службу в 1896 году он был награжден набедренником, а в 1900 году — скуфьей. Указом Св. Синода в 1904 году награжден камилавкой, а в 1908 году — наперсным крестом. Трижды избирался на трехлетие депутатом епархиального съезда от благочиния 1-го округа Иркутского уезда, а также товарищем председателя епархиального съезда.

За скупыми строчками церковных документов скрыт неординарный и целеустремленный человек, который сделал очень много для укрепления православной веры среди своих прихожан. Только перечисление деяний превращается в длинный список:

1894 год — построены новые дома для причта, выкрашена церковная ограда. На пожертвования сделан оклад иконы, сооружены клиросы.

1895 год — отремонтирована Кулутукская церковь (1500 рублей), внутри оштукатурена, выкрашена, сделаны железная крыша и новая печь, пожертвована икона Св. Николая.

1903 год — сделаны пристрои к Кулутукской церкви, что придало храму вид креста.

1905 год — построена часовня во имя Святителя и Чудотворца Николая при въезде в Кулутук по тункинской дороге по плану крестьянина села Тунка И. Кобелева на земле крестьянина В. Асламова.

1907 год — расширена церковь Пророка Илии в селе Тибельти, построенная в 1873 году. Пристроена колокольня. Храм приобрел в плане вид креста.

1908 год — построена и освящена церковь Сошествия Святого Духа в деревне Быстрая.

Большое внимание отец Иннокентий уделял образованию. В «Истории Култука» А.И. Комиссарова, создателя краеведческого музея в култуковской школе № 7, собраны воспоминания старожилов о том, что при И. Чуринове в 1898 году церковь купила под школу новое здание у местного жителя Шушакова. Новая школа была расположена на самом берегу Байкала. Преподавали в ней сам И. Чуринов и учительница А.И. Медведева.

В 1902 году стараниями священника вблизи церкви было построено новое специализированное здание церковно-приходской школы. Школа строилась по типовому проекту, на государственные средства, выделенные от строительства Кругобайкальской железной дороги. Рабочая сила на строительство школы была снята также со строительства железной дороги. У входа в школу был установлен памятный камень с надписью «1902 г. при И. Чуринове». Этот памятный знак можно и сейчас увидеть в школе № 7 (куда он был перенесен после разрушения здания церковно-приходской школы). Здание новой школы с большими окнами и красивым парадным входом прослужило для обучения култуковских детей до 80-х годов XX века. Священник лично занимался подбором штата педагогов. Обучение в новой школе оставалось трехлетним. Был открыт платный четвертый класс, окончание которого позволяло поступать на учебу в гимназию. По окончании школы ученик получал документ, который, как правило, дома вывешивался в рамке под стеклом на стену.

По воспоминаниям старожилов, за незнание урока и дисциплинарные провинности учеников наказывали. Наказание могло быть дано на 12–15 дней. Одним из учителей отец Иннокентий за злоупотребления в наказаниях учащихся изгнал из школы. Сам священ-

Чертеж часовни, построенной в Култуке в 1905 г. Хранится в Государственном архиве Иркутской области

**Здание церковно-приходской школы в Култуке. Фото 1970-х гг.
Из фонда краеведческого музея школы № 7, пос. Култук**

ник, по словам его бывших учеников, зря не наказывал, а если наказывал, то обязательно говорил родителям, а это означало, что будет еще более страшное наказание дома.

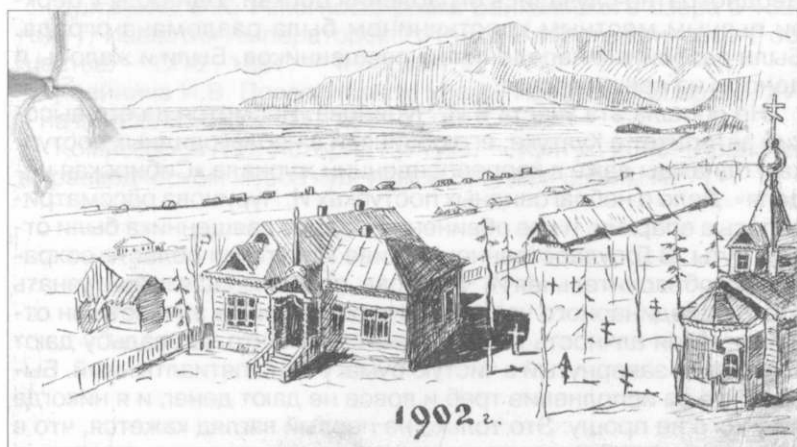
Интересные строчки о личности Чуринова можно найти в воспоминаниях исследователя Байкала, руководителя гидрографической экспедиции Ф.К. Дриженко. Священник, с которым Дриженко познакомился в Култуке, произвел на него сильное впечатление: отец Иннокентий взял на себя труд безвозмездно производить метеорологические наблюдения в Култуке инструментами Иркутской обсерватории. «Отрадно было видеть, — писал Дриженко, — этого почтенного служителя церкви, имеющего значительную и широко разбросанную паству, усердно занимающегося школьным делом, интересующегося естествоведением, из любви к делу производящего метеорологические наблюдения, занимающегося любительски фотографированием и прочим. Отец Иннокентий очень обязательно взял на себя труд за 75 руб. устроить колодец с каналом для водомерных наблюдений, а сами наблюдения взялся производить безвозмездно» (Дриженко Ф.К. Рекогносцировка Байкальского озера в 1896 году // Изв. ИРГО. — СПб., 1887. — Т. 33, вып. 2. — С. 224).

Общественная деятельность култуковского священника не раз

попадала на страницы «Восточного обозрения». 1 января 1903 года корреспондент газеты с восторгом описывал, что «в помещении Култукской церковно-приходской школы, в пользу усиления библиотечного фонда этой школы, был устроен по инициативе священника Чуринова литературно-музыкальный вечер, привлечший полный зал публики. Исполнители — все агенты постройки (железной дороги. — С. С.) и члены их семей исполнили свои номера при единодушном одобрении публики. Те же железнодорожники 29 декабря устроили по инициативе священника Чуринова для школьников и детей служащих по подписке елку. Как и прошлый год, деревенские дети, не избалованные удовольствиями, с увлечением веселились. Детишки были напоены чаем, наделены сладостями и подарками».

13 марта 1904 года газета сообщала, что «26 февраля состоялось учредительное собрание отделения Иркутского уездного комитета по призрению семей воинов. Председателем отделения избран инженер Х.А. Ярамышев... Отделение комитета организовалось в следующем составе: из пади Маритуй — инж. В.А. Ливеровский и доктор Киренский; из Култука — инженер Х.А. Ярамышев, священник Чуринов и др. ...Все эти лица состоят членами комитета и к ним следует обращаться с заявлениями о пособиях. Члены уездного комитета внесли взнос по 1 рублю».

23 ноября 1898 года «Восточное обозрение» привлекло внимание читателей необычным сообщением: «Недавно наши кул-

**Церковно-приходская школа и церковь в Култуке.
Перерисовка со старой фотографии. Из фонда
краеведческого музея школы № 7, пос. Култук**

тукские палестины посетили китайские знаменитости. Появились в селе два китайца, предлагали медицинские услуги простодушным крестьянам. Брели баснословные деньги. Так, например, с крестьянина Сороковикова взяли 5 рублей за порошок от удушья. Поведение китайцев обратило внимание со стороны местного священника, который через сельского старосту выдворил непрошенных гостей из села». Видимо, о продолжении этой истории писала та же газета от 17 февраля 1899 года: «В Култуке заарестованы какие-то китайские купцы, занимавшиеся лечением, и препровождены в волость (в Тунку)».

Служить священником в таких сибирских селах, как Култук, было нелегко. Село являлось одним из узловых пунктов тракта, идущего в Забайкалье, через него проезжало большое количество путников, шли бродяги и каторжники. В Култуке было немало некрещеного, ясачного местного населения, людей других вероисповеданий — католиков, мусульман, много ссыльных. Основная часть сельчан, которые преимущественно жили за счет охоты и рыбалки, также имела своеобразное мировоззрение — смесь христианства с местными верованиями в силы природы. Начало строительства Кругобайкальской железной дороги породило невиданные до тех пор в таких масштабах пьянство, воровство и грабежи. Сельским священникам приходилось сталкиваться с большим количеством проблем. В различных документах сохранились сведения о некоторых из них. Неоднократно случались ограбления церкви. Однажды у церкви пьяным местным крестьянином была разломана ограда. Были разбойные нападения на священников. Были и жалобы и доносы на священников.

Не обошла эта участь и И. Чуринова. Несмотря на его высокий авторитет в Култуке, его обвиняли в неблаговидных поступках, однажды даже в корреспонденции журнала «Сибирская неделя». Дело о неблаговидных поступках И. Чуринова рассматривалось в епархии, и все обвинения в адрес священника были отвергнуты. В Государственном архиве Иркутской области сохранилась объяснительная И. Чуринова, позволяющая лучше узнать этого неординарного человека. На обвинение в алчности он отвечал: «Моя алчность исчерпывается тем, что за свадьбу дают тщательно завернутый в чистую бумагу один пятиалтынный. Бывает, что за исполнение треб и вовсе не дают денег, и я никогда ни у кого не прошу. Это только на первый взгляд кажется, что в настоящее время приход вполне обеспечивает мое существование. Да и раньше, когда мой приход был беднейший в Епархии, я не позволял себе заниматься вымогательством».

А на обвинение, что православный покойник находился в леднике вместе с «нехристями», И. Чуринов ответил: «...что касается того, что покойник был положен в анатомический ледник вместе с черкесами, татарами, бурятами, зарезанными, убитыми и другими несчастными, то разве следует скорбеть о том, что все мы ляжем в одну землю, где погребены полчища убийц и нескончаемая вереница убитых» (ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 12027).

В Култук И.И. Чуринов прожил до 1916 года. Затем по его прошению был направлен иркутским архиепископом в деревню Андрияновскую Читинской губернии. Причина решения покинуть Култук и дальнейшая судьба — неизвестны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 50, оп. 1, д. 10852 (1894 г.).

ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 11021 (1896 г.).

ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 11633 (1900 г.).

ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 11902 (1902 г.).

Восточное обозрение. — 1898. — 11 февраля (№ 18), 25 ноября (№ 139).

Восточное обозрение. — 1899. — 17 февраля (№ 37).

Восточное обозрение. — 1903. — 9 января (№ 7), 20 июня (№ 139).

Восточное обозрение. — 1904. — 13 марта (№ 62).

Дриженко Ф.К. Рекогносцировка Байкальского озера в 1896 году // Известия Императорского Русского Географического общества. — СПб., 1887. — Т. 33, вып. 2.

Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII – начало XVIII века. — М., 2000.

Комиссаров А.И. История Култука. — Култук, 2000. (Хранится в краеведческом музее култуковской средней школы № 7).

ДУХОВЕНСТВО ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Надежда Николаевна Наумова,
кандидат исторических наук, старший
преподаватель Братского
государственного технического
университета

В условиях общественно-политического кризиса начала XX века отчетливо виден внутренний кризис, переживавшийся духовенством как сословием, которое оставалось социально замкнутым и фактически вырождавшимся в касту ремесленников. Какую роль играло духовенство в сибирской деревне начала XX века? Какие социальные функции выполняло? Настоящая статья является попыткой ответить на подобные вопросы в рамках Иркутской губернии.

В глазах прагматически настроенных сибирских крестьян авторитет определялся материальным достатком. С 1896 года члены причтов были переведены на казенное содержание, что резко снизило их благосостояние. Согласно «Расписанию штатного содержания причтов сельских и городских церквей» в 1898 году священник в среднем получал 70–90 рублей, дьякон — 30 рублей. В церквях, где не было дьякона, жалование священника повышалось до 100–150 рублей. Средний заработок рабочего был по крайней мере в три раза больше. Несколько лучше было положение инородческих приходов, где ставка священника составляла до 150 рублей, дьякона — 50, а иногда даже 90 рублей. Хотя доходы причта складывались и из натуральной, ружной повинности крестьян, доли от кружечно-кошельковых доходов и тому подобного, но в течение длительного времени государством не предпринималось никаких шагов для материального вознаграждения священнослужителей, являвшихся преподавателями церковно-приходских школ или их заведующими, — большинство из них обязывалось трудиться безвозмездно. (Лишь в 1916 г. была установлена твердая плата за заведование школой и законоучительство в размере 60 рублей.)

После ухудшения экономического положения в 1903–1905 годах (ряд неурожая, золотопромышленный кризис и т. д.) крестьяне Восточной Сибири начинают отказываться от предоставления ружного и квартирного пособия священникам, обеспеченность

которых заметно ухудшилась. Повсеместно отмечалось стремление иереев к перемещению с одного прихода на другой в поисках лучшей жизни, что не способствовало их сближению с прихожанами; отношения внутри прихода обострялись — требования батюшской платы за требы рассматривались уже как вымогательство.

Дореволюционный приход представлял собой довольно сложную организационную структуру. Помимо привычных нам членов причта и церковных старост при храме имелись церковно-приходские попечительства, занимавшиеся управлением приходским хозяйством; им были подотчетны в расходовании материальных средств священники и старосты. Попечительства могли оказывать поддержку церковной школе, изыскивать дополнительные источники финансирования церкви, распоряжаться имеющейся у храма землей, производить сборы по подписным листам и книжкам, побуждать членов прихода к жертвованию или завещанию капиталов и имущества. Документы свидетельствуют о серьезных конфликтах между священником и советами, старостами, попечительствами.

Епархиальная администрация непрерывно увеличивала размер налогообложения храмов из кружечных и блюдных доходов: в 1894 году расходных статей насчитывалось 14, спустя 10 лет — уже 17. В журналах XXXXII съезда духовенства Иркутской епархии отмечался рост становившегося непосильным обложения церквей. Так, сбор с храмов Иркутского уезда с 1905 по 1908 год увеличивался с 28 до 37%. Одновременно доходы церквей уменьшились со 142 до 120 тысяч рублей. В 1909 году духовенство Иркутска категорически отказалось открывать за счет приходов церковно-приходские школы, «ссылаясь на упадок доходности церквей и на увеличение налогов» (ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 13643, л. 1). Бедность священнослужителей не добавляла им социального веса. Духовенство — традиционный наставник крестьян — более не могло контролировать ситуацию в деревне.

Начало XX века продемонстрировало определенное падение духовно-нравственной жизни сибиряков. Появились приходы (в основном богатые торговые села), бегство священников из которых стало обычным. С 1901 по 1911 год в селе Новоудинском сменилось девять священников. По свидетельству отца С. Громова, причту этого села приходилось выдерживать унижения, насмешки, издевательства невежественных крестьян, особенно усилившиеся после волнений 1905–1907 годов. Доля соблюдавших посты неуклонно снижалась, криминальная обстановка в селе ухудшалась на глазах.

Однако революционные волнения 1905–1907 годов обрати-

ли внимание духовенства на возможность активизации приходской деятельности как на средство отвлечения от участия в политической борьбе не только прихожан, но и клира. На страницах епархиальной периодики дебатировались вопросы улучшения и оживления церковно-приходской жизни. Рекомендовалось открытие церковно-приходских советов, братств, собраний, попечительств и иных учреждений ради «возобновления» христианской жизни и укрепления связи духовенства и прихожан. Священники устраивали народные чтения, которые именовались внебогослужебными собеседованиями, целью их являлось искоренение суеверий и предрассудков, катехизация населения, задержка распространения сектантских и староверческих учений.

Крестьян особенно интересовали жития святых, во время войны — рассказы из военного быта и о подвигах, исторические и географические очерки. Чтение производило огромное впечатление и вызывало бурю эмоций: «При чтении повестей о страданиях мучеников народ иногда умиляется до слез; когда дочитаешь... Бывает заметно, какое это особенное настроение: несколько мгновений совсем ничего никто не говорит, потом начинают обмениваться мнениями, но делается это тихо шепотом, чтобы не помешать, не испортить настроение соседям» (Енисейские епархиальные ведомости. — 1916. — № 18. — С. 26).

Правила производства чтений были разработаны каждой епархией и опубликованы в местной церковной печати: они предполагали разработку систематической программы, иллюстрацию «туманными картинками» с волшебным фонарем (т. е. диапроектором), организацию церковных хоров, продажу и бесплатную раздачу книг. Устройство религиозно-нравственных чтений было сопряжено с немалыми трудностями. Приходский священник должен был подать рапорт благочинному с указанием потенциальных чтецов, среди которых не должно было быть политических ссыльных и иных неблагонадежных лиц, и с описанием систематической программы чтений. Благочинный священник, в свою очередь, отправлял рапорт в епархиальную духовную консисторию, откуда и приходило разрешение. В 1900 году на территории Иркутской епархии было выдано всего семь таких разрешений. Организовывались священниками и приходские библиотеки. Некоторые инициативные священники открывали в зданиях церковных школ народные читальни, их книжный фонд пополнялся на деньги из приходских сумм, что было еще более трудоемким делом. Так, дело Иркутской консистории о разрешении священнику Бельской церкви Ф. Парнякову открыть народную читальню длилось почти четыре года.

При многих сибирских приходах работали церковно-приходские школы, бывшие зачастую единственным местом, где деревенские дети могли получить образование: государственные школы существовали только в крупных волостных селах. Церковно-приходские школы функционировали благодаря энтузиазму открывавших их священников и добровольной помощи родителей. Священник, руководивший народным образованием, рассматривался как связующее звено между школой, церковью и приходским обществом. По отношению к церковной школе священник выступал сразу в двух качествах: как преподаватель Закона Божьего, то есть законоучитель, и как заведующий школой. Подавляющее большинство священников халатно исполняли свои обязанности по отношению к церковной школе; таким выносились выговоры, у них даже отбиралась подписка о необходимости проявления «большей энергии и любви в церковно-школьном деле» (ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 13738, л. 5–20; Енисейские епархиальные ведомости. — 1898. — № 6. — С. 62). Духовенство было обременено массой прямых служебных обязанностей: одно лишь требоисполнение отнимало множество времени, так как многие приходы, растянутые на десятки верст, включали в себя от трех до 14 поселений. Разумеется, встречались и настоящие подвижники церковного образования. Например, отец Иннокентий Пляскин, служивший (до смерти в 1910 г.) в Нижне-Илимском уезде, отмечался как «убежденный и редкостный труженик, который всегда радовался радостью школы и болел ее горестями» (ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 13738, л. 1 об.). Стать народными учителями иереям также мешали узость кругозора, отсутствие в духовно-учебных заведениях преподавания общеобразовательных предметов, что признавалось и самим духовенством. Дьяконы в восточносибирских епархиях, как правило, не заканчивали даже духовного училища, около половины священников не проходило полного семинарского курса.

Однако после введения церковных школ в сибирских епархиях служебные достоинства священника стали определяться исключительно с точки зрения постановления церковно-школьного дела в приходе, независимо от качества исполнения иных должностных обязанностей. Епархиальные училищные советы, их уездные отделения, наблюдатели школ духовного ведомства всех уровней приобрели большое влияние в решении административных вопросов о переводах и назначениях священнослужителей, наградах и так далее. Центр внимания архиерея сместился от обязанностей собственно пастырских к школьной сфере.

Закону Божьему отводилось центральное место среди пред-

метов церковной школы. Исполнять обязанности законоучительства должны были только члены клира, у которых это напрямую связывалось с учительным наставническим долгом духовного пастыря. Уроки преследовали религиозно-воспитательную, то есть образовательную в широком смысле этого слова, цель. Особую роль Закон Божий начинает играть в период первой русской революции, когда правильная постановка преподавания этого предмета трактовалась как залог успешной борьбы со всеми антицерковными течениями от марксизма до раскола. Ради улучшения преподавания этого предмета епархиальным наблюдателем и викарными епископами организовывались обязательные законоучительские совещания, на которых решались основные методические проблемы законоучителей, давались соответствующие рекомендации. Законоучитель должен был «воспитать в детях дух благочестия, чтобы они вступали в жизнь не только знающими правила и законы нравственной жизни, но и расположенными сообразовываться с ними в своих желаниях и действиях» (Енисейские епархиальные ведомости. — 1893. — № 2–3. — С. 61); в то время как программа предмета содержала большое количество отвлеченностей. Часто дети с первого же урока начинали утрачивать интерес к предмету. Религиозное обучение нередко являлось безжизненным и мертвяще-формальным, не способствовало религиозно-нравственному совершенствованию будущих прихожан и их сближению с батюшкой.

На приходский социум также возлагалась обязанность борьбы с такими социальными пороками, как пьянство, азартные игры и тому подобное. Первые общества трезвости в Иркутской губернии, которые стали появляться в начале XX века под контролем приходских священников, имели целью «содействовать в приходе воздержанию от излишнего употребления крепких напитков... воздействием личного примера членов общества и беседой» (Енисейские епархиальные ведомости. — 1915. — № 16. — С. 390). Священниками и прихожанами создавались антиалкогольные союзы, члены которых должны были сознательно нести свои обязанности по «распространению правильных понятий о спиртных напитках в сознании местного населения» путем устройства народных развлечений, благотворительности и молитв, организации антиалкогольных музеев и выставок, публичных чтений и бесед, специальных курсов «науки трезвости» (Енисейские епархиальные ведомости. — 1915. — № 20. — С. 44–45). Священниками нередко устраивались паломничества учащихся церковных школ и прихожан в Иркутск, на поклонение мощам свт. Иннокентия.

Сибирские приходы не оставались в стороне от событий в государстве. Во время Русско-японской войны была учреждена подписка по сбору средств «на усиление русского флота». В годы Первой мировой войны законоучители вели патриотическую работу, побуждали сельское население к помощи семьям фронтовиков. Церковно-приходские школы кроме своего прямого назначения зачастую использовались священниками с иными культурно-просветительскими целями. Практиковалось изучение на уроках в церковных школах мест боев и хода боевых действий. В праздничные программы традиционных школьных елок и иных торжеств к привычным декламации, пантомимам, хороводам добавились пение патриотических гимнов и военных песен, чтение стихотворений на военную тематику и т. д. Церковные школы становятся своеобразными культурно-просветительскими центрами. В них организуются пользовавшиеся большой популярностью воскресные чтения, спектакли, литературно-художественные вечера, концерты с участием учеников церковно-приходских школ, беседы о трезвости, музеи, народные читальни, хоры и т. д. В сибирской деревне культурно-просветительская деятельность могла вестись исключительно силами духовенства и учителей, так как достаточного слоя сельской интеллигенции здесь не имелось. По инициативе отдельных священников начинается создание особых Народных домов, чье назначение было аналогично сельским клубам.

Непроста была жизнь сибирского иерея в описываемый период: «Т. к. священнику приходится часто и долго вести ораторскую речь, то нередко... подвергается горловым болезням, священники чаще других лиц страдают от ревматизма и головных болей... Слишком сложны обязанности священника в наше время... сопряжены с серьезной ответственностью... Вследствие многочисленных требований от священника, он всегда чувствует себя как бы придавленным не только перед многими начальственными лицами, но и перед многими сторонними лицами, которые любят в оба смотреть за священником. В силу высокого жизненного идеала, сам к себе предъявляет многочисленные требования и в то же время чувствует трудность, а иногда и невозможность их исполнения. Это несомненно порождает уныние. Т. к. идеал священника высок, то в деятельности... всегда можно найти недостаток, всегда можно священнику, его жене, его даже детям бросить резкий укор... Глаза недоброжелателей засматривают всюду — и на письменный стол, и в тарелку священника» (Иркутские епархиальные ведомости. — 1914. — № 3. — С. 108–109). Религиозная индифферентность сибиряков (особенно ста-

лическое училища, в 1916–1932 годах — настоятелем Иркутской

рожильческого населения) формировалась в значительной степени под влиянием ссыльнопоселенцев. Доказательством этого может служить то, что в Сибири не появилось ни одной секты, за исключением принесенных из России, что, видимо, свидетельствовало об отсутствии религиозно-нравственных поисков.

Итак, можно сделать вывод, что профессиональные обязанности членов клира Восточной Сибири на рубеже XIX–XX веков все более усложнялись и разнообразились при одновременном снижении уровня их жизни: Авторитет духовенства в среде крестьянства падал, оно, к сожалению, оказалось не готовым к тому, чтобы остаться наставником крестьян в предреволюционные годы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 50, оп. 1, д. 9732.

ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 11139.

ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 11548.

ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 13643.

ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 13738.

ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 13748.

ГАИО, ф. 50, оп. 6, д. 159.

ГАИО, ф. 50, оп. 7, д. 379.

ГАИО, ф. 50, оп. 8, д. 760.

ГАИО, ф. 50, оп. 8, д. 1006.

Енисейские епархиальные ведомости. — 1893. — № 2–3. — С. 61.

Енисейские епархиальные ведомости. — 1893. — № 21–22. — С. 135.

Енисейские епархиальные ведомости. — 1915. — № 16. — С. 390.

Енисейские епархиальные ведомости. — 1915. — № 20. — С. 44–45.

Енисейские епархиальные ведомости. — 1916. — № 18. — С. 26.

Иркутские епархиальные ведомости. — 1898. — № 6. — С. 62.

Иркутские епархиальные ведомости. — 1908. — № 8. — С. 261.

Иркутские епархиальные ведомости. — 1910. — № 20. — Прибавления, с. 8.

Иркутские епархиальные ведомости. — 1914. — № 3. — С. 108–109.

«Я ДО ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ ВНУШАЛ ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ...»

*Тамара Александровна
Крючкова, заместитель
директора по фондовой
работе Архитектурно-
этнографического
музея «Тальцы»,
Юрий Петрович Лыхин,
ученый секретарь
Архитектурно-
этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

Претерпевший на своем жизненном пути великие муки за веру православную иркутский протоиерей Федор Федорович Верномудров родился 6 февраля 1864 года на Тихоно-Задонском прииске, ныне Бодайбинского района Иркутской области, в семье личного почетного гражданина Ф. Верномудрова. В 1870 году, когда маленькому Федору было шесть лет, семья Верномудровых переехала в город Иркутск, и с этого времени вся жизнь его была связана с духовной столицей Восточной Сибири.

В июне 1885 года, в возрасте 21 года, Федор Верномудров окончил полный курс Иркутской духовной семинарии и через месяц женился на дочери иркутского протоиерея Елизавете Михайловне Успенской. Это была дружная православная семья, воспитавшая своих пятерых детей — Иннокентия (род. в 1896 г.), Святослава (род. в 1898 г.), Веру (род. 1 ноября 1899 г.), Николая (род. 27 апреля 1902 г.), Владимира (род. 24 мая 1904 г.) — в христианском благочестии и любви к России.

Избрав священнослужительскую стезю, Федор Верномудров в августе 1895 года был рукоположен в дьякона, а затем сразу же в священника Иркутской Входа-Иерусалимской церкви. Это было начало его подвижнического пути, трагически окончившегося через столетия. Проповеди отца Федора, на которые собиралось множество иркутян, звучали в разных иркутских храмах. С 1901 по 1913 год он служил священником (с 1907 г. в сане протоиерея) в Иркутском Богоявленском кафедральном соборе с возложением на него обязанностей ключаря, в 1913–1917 годах был настоятелем домового храма при Иркутском промышленном училище, в 1916–1932 годах — настоятелем Иркутской

**Федор Федорович
Верномудров. 1925 г.
Фото из архива ФСБ**

Тихвинской (Воскресенской) церкви, в начале 1930-х годов служил в Иркутской Владимирской церкви, а с 1933 по 1937 год был настоятелем Иркутской Преображенской церкви.

Более 30 лет, до установления советской власти, Федор Федорович Верномудров посвятил педагогической деятельности, будучи законоучителем в городском четырехклассном училище императора Александра III, в Крестовоздвиженской женской воскресной школе, в Иркутском юнкерском училище, во 2-й женской гимназии И.С. Хаминова, в Иркутском промышленном училище и в других учебных заведениях Иркутска. Директор Иркутского военного (юнкерского) училища генерал-майор Станковский в 1911 году так охарактеризо-

вал его в своем отзыве: «...протоиерей Федор Верномудров состоит приватным законоучителем вверенного мне училища уже свыше пятнадцати лет... за семь лет начальствования моего Иркутским военным училищем я никогда не имел случая в чем-либо упрекнуть глубокоуважаемого отца Феодора и как законоучителя, и как сослуживца. Неутомимый, бескорыстно преданный делу работник, глубоковерующий христианин, беспрельдно преданный Царю и Отечеству верноподданный, он никогда, ни при каких обстоятельствах не отказывался исполнять и все духовные требы для чинов училища: исповедь пред Святым Причастием, молебствия, панихиды, погребения и пр. — все это исполнялось им, не стесняясь ни временем, ни состоянием, чаще без всякого вознаграждения. Всегда спокойный, ко всем одинаково ласковый и доброжелательный, он пользуется неизменной любовью и глубоким уважением и юнкеров и гг. офицеров училища.

В 1904–5–6 годах, в дни смуты в городе Иркутске, публично

оскорбляемый и поносимый в местных органах инородческой (еврейской) печати за неподкупную честность, патристический образ мыслей и действий, отец Федор с истинно христианским терпением и кротостию нес свой тяжелый крест. И если в эти смутные дни юнкера вверенного мне училища одни из всех частей гарнизона г. Иркутска остались до конца верны долгу чести и службы, то в этом глубокоотрадном настроении будущих офицеров нашей родной армии я не могу не видеть благотворного влияния отца Федора и как законоучителя молодежи, и как глубокорелигиозной и патристически настроенной личности вообще» (ГАИО, ф. 211, оп. 2, д. 73, л. 30–31).

Федор Федорович Верномудров был одним из самых образованных пастырей Восточной Сибири. Его домашняя библиотека, часть которой в настоящее время хранится в Научной библиотеке Иркутского государственного университета, была представлена изданиями конца XVIII – начала XX века. Это книги религиозного содержания, литература по философии, истории, педагогике, географии и классическая художественная литература. Несмотря на большую занятость, Ф.Ф. Верномудров занимался исследованиями в области религиозной отечественной истории. В Государственном архиве Иркутской области хранится написанная им в 1910 году рукопись «Благотворительность в древней церкви, в средние века и в наше время», в которой на фоне истории церковной благотворительности оценивается деятельность иркутских меценатов Е.А. Кузнецова, В.Л. Литвинцева, представителей семей Медведниковых, Сибиряковых, Трапезниковых и других.

О том, что протоиерей Федор Верномудров имел большой авторитет среди духовенства, свидетельствуют следующие факты: в 1902–1905 и в 1914–1917 годах он был депутатом от духовенства Иркутской епархии в составе гласных городской думы. В 1914 году избран председателем пастырских собраний духовенства города Иркутска. Кроме того, он не отказывался и от другой общественной деятельности, являясь активным членом «Союза русского народа» и Иркутского церковного братства во имя Святителя Иннокентия, в котором в разное время был председателем отдела трезвости, членом и председателем совета братства. Состоял он также членом правления Иркутского общества взаимного страхования имуществ от огня, членом благотворительного общества святого Николая по призрению беспризорных детей, членом Иркутского общества художников и других светских обществ.

**Иркутская Входо-Иерусалимская церковь. Фото начала XX в.
Из книги И.В. Калининой «Православные храмы
Иркутской епархии» (М., 2000)**

Высокий духовный и профессиональный уровень отца Федора был заслуженно отмечен многими наградами. Он был удостоен орденов Святой Анны 3-й (1906) и 2-й (1911) степени, ордена Святого Владимира 4-й степени (1915 г.), медалей в память царствования императора Александра III (1896) и в память 300-летия царствования Дома Романовых (1915), а также церковных наград — набедренника (1887), скуфы (1893), камилавки (1896) и наперсного креста от Св. Синода (1902). Накануне революционных событий Ф.Ф. Верномудров — разносторонняя и деятельная личность — был одним из наиболее уважаемых иркутских священников.

Революцию отец Федор не принял. Он не скрывал, что был и остается сторонником царизма и монархии. В 1920-е годы протоиерей Ф. Верномудров возглавил в Иркутске борьбу со священниками-обновленцами. Патриарх Тихон наградил его правом носить митру. Торжество возложения митры состоялось в Иркутской Тихвинской церкви 22 сентября 1924 года при огромном стечении народа.

Бог одарил отца Федора твердостью и стойкостью в защите христианской веры и православной церкви, с которыми

ми советская власть вела непримиримую борьбу. Несгибаемый протоиерей Федор выступал на общественных собраниях, произносил проповеди, в которых открыто выражал свои взгляды и убеждения. Будучи талантливым проповедником, он становился социально опасным для коммунистов, и его непрестанно репрессировали, стараясь сломить. Первый раз Верномудров был арестован органами ЧК ОГПУ 13 апреля 1920 года за то, что в Иркутском Богоявленском соборе за день до того сказал «слово о современном христианском строении иркутян». Это было расценено как антисоветская агитация. Под арестом Федор Федорович находился девять месяцев. Второй раз он был арестован в 1921 году и заключен в концлагерь, где пробыл шесть месяцев. Третий раз — в 1922 году — осужден к году тюремного заключения, четвертый раз — в 1925 году, вновь за антисоветскую агитацию — к трем годам содержания в концлагере (отбывал срок в Вишерском концлагере, около г. Чердынь Верхне-Камского округа Уральской области). В 1927 году, находясь в Омске, отец Федор был арестован в пятый раз и выслан в Нарымский край,

Иркутский Богоявленский собор. Фото начала XX в.

Иркутская Тихвинская (Воскресенская) церковь. Фото Н.И. Исцеленнова, 1912 г. Из книги И.В. Калининой «Православные храмы Иркутской епархии» (М., 2000)

в город Тару, где провел три года. Лишь в конце 1930 года он смог вернуться в Иркутск.

В апреле 1933 года в числе 12 священнослужителей Иркутска, среди которых был архиепископ Иркутский и Верхотурский Дионисий Прозоровский, Ф.Ф. Верномудров был арестован в шестой раз. В обвинительном заключении всем арестованным инкриминировалось «проведение на протяжении многих лет организованной борьбы с Сов. властью и ее мероприятиями... Указанная группа, через организованные при церквях нелегальные группы «сестричеств» и «кликуш-мироносиц», распространяла по городу разные провокационные слухи, возбуждая верующих против мероприятий Сов. власти и подрывала авторитет последней... Группа производила организованную помощь высланному за контрреволюционную деятельность духовенству, со-

бирая для этого денежные средства среди верующих во время богослужения в церквях и среди служителей культа. Данная помощь высланному духовенству имела целью сохранить кадры для борьбы с Советской властью...» (Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 17044, л. 157).

Для подтверждения «проводившейся контрреволюционной деятельности» среди верующих в обвинительном заключении был приведен фрагмент из допроса Ф.Ф. Верномудрова от 4 апреля 1933 года: «Воспитан я был в религиозном духе, в любви к Отечеству, Государю и русскому народу, и в своей общественно-политической деятельности я до последних дней внушал эту любовь к Отечеству, Государю и всему русскому народу. Я до последнего времени считаю, что виновниками гибели Великой Руси, упадка нравственности, междоусобной вражды, являются — революция и те люди, которым чужды 1000-вековые устои великой Руси и русского народа. Советская власть, как власть антихристианская, чужда запросам русского народа. Насилие с ее стороны в отношении коллективизации, преследование религии, разрушение церквей, ликвидация кулачества ведут не к величию страны, а к ее обнищанию и гибели. Русский народ, привыкший к свободному труду, трудился для себя и давал пользу государству. Советская власть этих тружеников раскулачила, принудительно их сослав, в их дома, нажитые их же трудом, вселила людей, ко-

Иркутская Преображенская церковь. Фото начала XX в.
Из книги И.В. Калининой «Православные храмы
Иркутской епархии» (М., 2000)

торые всю свою жизнь были лодырями. Загнали насильно этих людей в колхозы, от которых в конечном итоге, как мы видим, никакой пользы государству нет. Религиозность большинства русского народа попирается, религия преследуется конституцией, отменена религиозная пропаганда и в то же время свободно разрешено проповедовать безбожие, духовенство и верующие преследуются. Дошло до того, что верующий православный народ боится посещать церковь, посещает ее и помогает скрытно, боясь быть уволенным. Церкви закрываются и разрушаются, несмотря на протест верующих».

Далее в том же протоколе допроса записаны слова протоиерея Федора, свидетельствующие о том, что он прекрасно понимал, в какую ситуацию попала Россия, и задумывался над путями выхода из нее: «Со дня переворота русский народ оказался в царстве вопиющей неправды, насилия, попрания всех и всяких прав, в царстве злобы и варварства. Для возрождения великой Руси я считаю необходимым, чтобы у власти были люди вне партии. Советская власть выполняет волю не всего народа, а небольшой части партийщиков, людей, состоящих в коммунистической партии. Если бы у власти были бы люди всех сословий, врагов бы у Советской власти не было» (Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 17044, л. 73–74 об.).

Несмотря на такие крамольные заявления, по рассмотрении дела Особое совещание при коллегии ОГПУ от 22 августа 1933 года вынесло решение освободить всех обвиняемых по нему арестованных, зачтя в наказание их предварительное заключение в тюрьме.

Последний — седьмой раз — Ф.Ф. Верномудрова арестовали 28 октября 1937 года как одного из участников так называемой «контрреволюционной церковно-монархической организации», которую «возглавлял» архиепископ Павел Павловский, приехавший в Иркутск в 1933 году. Ф.Ф. Верномудров якобы входил в «актив» организации. В обвинительном заключении по следственному делу № 4242 лично он обвинялся в том, что является активным и руководящим участником контрреволюционной организации, завербованным в нее Павловским. На совещании руководства контрреволюционной организации в мае 1937 года он якобы принял поручение о связи с заграницей через сына, проживающего в Харбине, и пересылке через него шпионских сведений для японской разведки, а на совещании руководства контрреволюционной организации в августе 1937 года был выделен в качестве руководителя террористической группы, приняв

поручение готовить теракты против областного руководства, которые были намечены для совершения 7 ноября 1937 года. Кроме того, отец Федор обвинялся в том, что он вел контрреволюционную агитацию среди верующих.

Несмотря на применяемые в отношении Ф.Ф. Верномудрова репрессивные меры и удары судьбы (его сын Николай в 1931 г. за контрреволюционную деятельность был выслан в концлагерь и там скончался; два других сына, Святослав и Владимир, были арестованы вскоре после отца и расстреляны на две недели раньше него; жена Елизавета Михайловна к моменту его последнего ареста, видимо, уже умерла, так как в анкете арестованного Верномудрова помечено, что он одинок), отец Федор до самой смерти не был сломлен и оставался тверд в своих убеждениях. Это зафиксировал протокол его допроса от 22 декабря 1937 года: «Я должен заявить, что за весь период существования Советской власти являлся принципиальным ее противником, ведшим все время борьбу с Советской властью» (Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 9735, т.3, л.108). Стойкость его отмечали многие. Например, М.И. Ошарова, арестованная и расстрелянная за «участие» в той же организации, на допросе в феврале 1938 года свидетельствовала: «...была лично связана знакомством с видным „тихоновцем“ Верномудровым, которого знаю как яркого монархиста, открыто высказывающего свои контрреволюционные монархические взгляды» (Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 9735, т.3, л.209). Необходимо помнить, однако, что протоколы допросов писались сотрудниками НКВД с определенной целью, и формулировки высказываний арестованных наверняка были подправлены.

За все эти «преступления», предусмотренные статьями 58-2, 58-10, 58-8-11 УК РСФСР, решением Особой тройки протоиерей Федор Верномудров в возрасте 74 лет был приговорен к высшей мере наказания. Расстрел приведен в исполнение 27 февраля 1938 года.

Предположительно местом захоронения Ф.Ф. Верномудрова, как и других расстрелянных в Иркутске церковнослужителей, является местность вблизи поселка Пивовариха Иркутского района. Постановлением президиума Иркутского областного суда от 19 декабря 1958 года Ф.Ф. Верномудров был реабилитирован, дело прекращено за недоказанностью предъявленного обвинения.

Вся жизнь отца Федора — яркий пример жертвенной любви к

Богу, ревностной заботы о своем Отечестве. Он подвижнически нес тяжелый крест служения Господу в период богоборчества и принял мученическую смерть за негибаемую твердость в православной вере. В настоящее время Русской православной церковью ведется большая работа по канонизации священнослужителей, погибших в период репрессий 1920–1930-х годов. Иркутская епархия подготовила материалы в Св. Синод для включения в Собор новомучеников и исповедников Российских имя иркутского протоиерея Федора Верномудрова.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив Регионального управления ФСБ РФ по Иркутской области, архивные уголовные дела № 9735, 17044.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 50, оп. 5, д. 15.

ГАИО, ф. 211, оп. 2, д. 73.

ГАИО, ф. р-157, оп. 3, д. 2653, 2654, 2655.

ГАИО, ф. р-504, оп. 5, д. 287.

ГАИО, ф. р-727, оп. 1, д. 4.

Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. Т. 2: В-Д. — Иркутск, 1999.

Журавлева И.В. Книжные коллекции священников И.Н. Дроздова и Ф.Ф. Верномудрова в научной библиотеке ИГУ // Апостол Аляски: Материалы научной конференции, посвященной 200-летию Иннокентия Вениаминова и 270-летию Иркутской епархии. 1–2 октября 1997 г. — Иркутск, 1998.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. — Иркутск, 1994.

Терновая И.И. Иркутская епархия в годы политических репрессий 1920–1930-х годов // Из истории Иркутской епархии. — Иркутск, 1998.

Терновая И.И. Иркутская епархия в годы политических репрессий // Апостол Аляски: Материалы научной конференции, посвященной 200-летию Иннокентия Вениаминова и 270-летию Иркутской епархии. 1–2 октября 1997 г. — Иркутск, 1998.

СВЯЩЕННИК МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ МЕЩЕРЯКОВ

*Ирина Владимировна Швец,
катехизатор Ангарской Троицкой церкви*

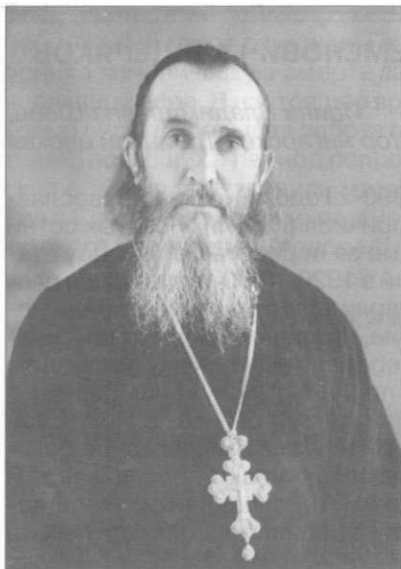
В конце 1990-х годов Русская православная церковь причислила к лику святых сотни людей, которые за верность Богу в пору атеизма и гонений в 1920–1930-е годы были расстреляны, умерли в лагерях или, пройдя через заключение, страдания, дожили до нашего времени, передали нынешнему поколению веру, пример преданного служения церкви.

Процесс канонизации продолжается и сейчас. В Иркутской области в годы сталинских гонений и позже были священнослужители и миряне, которые вполне заслуживают прославления и почитания, памяти как новомученики и исповедники. Люди помнят своих праведников, даже если официальная книжная память не всегда сохраняет их имена.

В послевоенные годы в поселке Тельма Усольского района возник небольшой центр христианской православной жизни. Настоятель Тельминского храма священник Михаил Мещеряков, сам прошедший через лагеря, давал здесь приют монахиням, лишившимся своих монастырей, служил Богу честно, был действительно пастырем для многих православных Иркутской области. В те годы почти никто из верующих не миновал репрессий, церковь прославлялась верными христианами, хотя и нестроений проявилось немало.

Много раз приходилось слышать от ангарчан, что здесь, рядом с нами (Тельма находится в двадцати километрах от Ангарска), жили святые люди. Без преувеличения можно сказать, что тельминских священников почитают в Иркутской епархии и клирики, и миряне, нам рассказывали о них в Листвянке, Иркутске, Усолье, Шелехове, Ангарске люди, которых в Тельме крестили, венчали, наставляли на путь правды... Воспитанники отца Михаила служат в Москве, Ельце, Курске, Лондоне...

Дочь Михаила Семеновича Мещерякова Вера Михайловна Шаповалова живет в Москве. Занявшись сбором материалов о наших подвижниках, мы побывали у Веры Михайловны, и она рассказала историю жизни отца, факты которой подтверждаются документами, хранящимися в семейном архиве, в государственных и церковных архивах (послужные списки, следственное дело, официальные письма, фотографии).

**Священник Михаил Семенович
Мещеряков. 1959 г.**

Родился Михаил Семенович Мещеряков 4 октября 1898 года в Благовещенске Амурской губернии в семье почтового служащего. Отец его рано умер, и когда пришло время учиться, матери удалось определить сына в семинарию, руководство которой согласилось обучать его в долг, с последующим возмещением средств, затраченных на учебу.

Мальчик был способный, учился хорошо. В аттестате об окончании семинарии только две «четверки» — по алгебре и французскому языку. Можно было продолжать учебу в духовной академии, но Михаил избрал учительский труд (шел 1918 г., нужно было помогать матери).

С 1919 по 1924 год Михаил Семенович трудился в селе Крестовоздвиженское, недалеко от Благовещенска (здесь в

1922 г. венчался с Капитолиной Николаевной Колчевой), но с «идеологической» работы, какой считалось учительство, верующих гнали. Два года отработал в Благовещенске в статистическом бюро, однако по той же причине (в анкете писал «верующий») пришлось уволиться. Так начиналось его исповедничество. Тогда он сказал жене: «Господь дал мне образование, и я должен отдать Богу то, что мне дано». В 1926 году его рукополагают в сан дьякона и затем — через две недели — священника. Незадолго перед этим, в 1923 году, в Благовещенске был арестован архиепископ Евгений (Зернов), причисленный Архиерейским собором 2000 года к лику святых. В 1923 году арестовали многих мирян. Христиан убивали и мучили по всей России. Выбрать священнослужение в эти годы означало сознательно выбрать мученичество.

Действительно, уже в 1927 году отец Михаил по постановлению Особого совещания при коллегии ОГПУ отправлен в административную ссылку в Красноярский край. В 1929 году — снова арестован и отправлен в Красноярск, но дело закрыто за отсутствием состава преступления. Три года отслужил настоятелем храма в Канске. В 1932 году ему разрешено уехать из Красноярского края.

11 октября 1932 года отец Михаил был назначен вторым штатным священником Преображенской церкви села Великая Река

Вятской епархии (это место известно тем, что в XIV в. здесь явлен чудотворный образ Николая Угодника, во все атеистические времена до хрущевских гонений в Великой Реке ежегодно совершался крестный ход, в котором участвовали православные христиане из разных мест России). Назначение в Великоорецкое подписал прошедший к тому времени Соловецкий лагерь архиепископ Евгений (Зернов). В 1934 году он был назначен на Нижегородскую кафедру с возведением в сан митрополита, а вскоре вновь арестован. У митрополита Мануила (Лемешевского) приведены сведения о смерти владыки Евгения, последовавшей в 1935 году.

Трудностей у Мещеряковых было много и в Сибири, и в Вятке, из шести родившихся детей жива осталась только одна дочь. Отец Михаил прослужил в Великой Реке четыре года. В конце 1936 года его арестовали по обвинению в антисоветском характере проповеди, произнесенной на похоронах. Во время следствия никто из служивших вместе с отцом Михаилом не подтвердил обвинений, но в начале 1937 года он был осужден по статье 58 на четыре года исправительно-трудовых работ в лагерях (в 1939 г. дело было пересмотрено и срок увеличен до десяти лет).

О годах лагерей известно только несколько эпизодов в пересказе дочери, духовных чад.

В течение семи лет, проведенных в лагере, отец Михаил оставался священником. «И всегда я исполнял волю Божию, один раз исполнил свою, и то мне было очень плохо. А было так: надзиратель заходит и говорит: „Кто хочет перейти в другой барак?“ А мне было так здесь тяжело, я говорю: „Я пойду“, — и ушел, а там мне было гораздо хуже, и все у меня отобрали».

В лагере работа была тяжелой, а кормили плохо, с началом войны почти совершенный голод наступил. Однажды отец Михаил почувствовал, что уже близок к смерти, а надо выходить на работы. В это время к нему подошли две женщины: «Вы священник? У нас на фронте брата убили. Вы могли бы его отпеть?» Священник совершил

**Семья священника
М.С. Мещерякова. 1933 г.**

Священнослужители Иркутской епархии. 1950-е гг.

отпевание, в благодарность женщины принесли ему булочку. Это было настоящее чудо.

На Пасху делали из соломы крест и совершали службу под нарами. В день Крещения отец Михаил совершал великое освящение воды, используя свой нательный крест.

Голодная жизнь, малярия сделали сорокапятилетнего священника немощным инвалидом. В 1943 году он в числе других был активирован и освобожден из лагеря. Вместе с конвойными их отправили на станцию, продуктовые карточки и деньги вручили охранникам, которые не отдали ничего освобожденным. Пришлось добираться, питаясь подаянием.

Отец Михаил доехал до Уфы, где были знакомые, но те боялись за своих детей и не согласились его принять. Пошел в храм. В 1943 году возобновились службы в уцелевших храмах; служили молебны «В нашествие супостатов», панихиды. В храме шла панихида, отец Михаил стал подпевать, у него был очень красивый голос, тенор. В Уфе он пробыл короткое время при храме, исполнял требы. Заработал немного денег, но к семье в Канск (матушка с дочерью к тому времени перебрались к родным отца Михаила) приехал в тех же лохмотьях, в каких вышел из лагеря, и почти босиком, хотя была холодная ранняя весна. Деньги потратил на приобретение церковных книг.

Два года пробыли в Красноярском крае. Отец Михаил болел, был очень слаб, потом помогал священнику в Красноярске.

В марте 1945 года отец Михаил был назначен настоятелем храма Казанской иконы Божией Матери в Тельме. Долгие годы здание храма использовалось как склад зерна, таким образом удалось сохранить его от разрушения. Настоятель и прихожане много потрудились для восстановления храма. Отец Михаил с помощниками объездили весь Иркутск в поисках богослужебных книг, утвари. Многое из церковного имущества сохранилось у прежней старосты.

В 1946 году начали служить в храме. Службы совершались почти каждый день, певчие уставали, просили уменьшить количество служб, но для отца Михаила это было непросто — найти в календаре дни, которые недостойны богослужения. Вставал каждый день в шесть часов, читал утренние молитвы, каноны. Вместе с алтарником (тогда это был шестнадцатилетний мальчик, позднее ставший архиепископом Анатолием (Кузнецовым), викарием Сурожской епархии в Лондоне) шел в храм. Служили часы, совершали литургию, общие молебны или панихиды, частные требы, вечернее богослужение. Домой приходил вечером в шесть-семь часов. Недолго сидел за столом. Появлялись посетители, прихожане, которым нужны были внимание, помощь, совет.

Он ревностно хранил святыню храма. Однажды в 1948 году пришли проверяющие из саннадзора: «Мы хотим сделать анализы, выяснить, каково состояние храма». Отец Михаил ответил: «Состояние храма очень чистое, святое. Когда вы вошли сюда, на вас все микробы погибли. Не извольте беспокоиться. Никаких ана-

Тельминская Казанская церковь. 1994 г. Фото И. Бержинского

лизов делать не нужно». Может быть, вспомнилось, как посещали храмы представители власти в 1920–1930-е годы. Дома сказал жене: «Капочка, наверно, меня арестуют». Тогда все обошлось.

Проповеди в те годы также регламентировались светскими властями. Разрешалось только пересказать содержание Евангелия, прочитанного во время богослужения, или рассказать житие святого, память которого совершалась. Но и внутри этих рамок оставалось много возможностей для назидания, воспитания прихожан. Миряне вспоминают, что проповеди отца Михаила были проникновенными, убедительными, содержательными. Сам отец Михаил в одном из документов личного дела пишет: «Священники должны обличать людские пороки, особенно распространенные в Тельме пьянство и сквернословие. И если от моих проповедей не видно результатов сразу, это не значит, что я должен перестать говорить. „Капля камень долбит“» (1965 г.). Но обличения праведника — не чета нашим, люди воспринимали их по-своему: «Он очень жалел людей, особенно пьяниц, говорил: „Это больные люди“».

В послевоенные годы настоятель призывал прихожан помогать в уборке урожая, работали по заповеди: все, что делаете, делайте, как для Господа. Бабушки опережали комсомольцев. За эти труды отца Михаила представляли к награде, представление хранится в семейном архиве, но оно осталось без результата. Очевидно, образ доблестно трудящихся священника и богомольных старушек не укладывался в тогдашние идеологические схемы.

Ко всем церковным предписаниям, будь то молитвенное поминовение по запискам или чин облачения, отец Михаил относился внимательно, стремился исполнить все точно.

После лагерей очень болели и отекали ноги, но чин предписывал священнику служить в сапогах, и отступить от этого самовольно отец Михаил не мог, хотя обуваться было настоящим мучением. Терпел до того момента, пока не появилось разрешение служить в ботинках. Каковы были его муки при исполнении этого, на взгляд стороннего человека малозначительного, предписания, можно судить по тому, что дочь помнит, как он от души благодарил Бога за это изменение.

Среди прихожан отличал людей искренних, богобоязненных.

Благословил читать во время богослужения человека, который сильно заикался, все удивлялись и не верили, что из этого может что-то получиться. Но этот человек, Иван, стал прекрасным чтецом. Когда впервые ему удалось хорошо прочесть Апостола, отец Михаил после службы подошел к нему, обнял, взяв за плечи, буквально поднял над землей, все повторял радостно: «Иван! Иван!»

Об условиях, в каких тогда совершалось служение, есть рас-

сказ в одном из документов личного дела отца Михаила: «Позовут нас, например, в Усолье причастить больного или с какой-нибудь другой требой, придешь на автобусную остановку и ждешь автобус под открытым небом час-два. Беспокоишься, что больной может умереть без причастия. Порой и совсем автобус не придет, и откладываешь исполнение требы до другого дня. В Усолье выполнишь требу, от далекой ходьбы вспотеешь, под одеждой пот чуть не хлюпает, придешь на автобусную остановку и опять ждешь час-два, мокрый, на морозе, иногда под яростным ветром. А дома ждет служба. Иногда уедешь в автобусе, иногда, ночью уже, на случайной грузовой машине в открытом кузове, продует насквозь. А сколько раз отцу Евгению, псаломщице и мне с риском и страхом, днем и ночью приходилось шагать из Усолья домой пешком» (1955 г.).

В 1966 году к 150-летию храма отец Михаил собирал сведения по его истории, оспаривал утверждение о том, что храм построили ссыльные декабристы (в самом деле, запись об освящении относится к 1816 г.).

И в Великорецком, и в Тельме отец Михаил собирал библиотеку, которой пользоваться могли все, приходили дети, им было интересно посмотреть, что же такое храм. Став священником, отец Михаил не забыл своего первого «служения», говорил: «Мы с матушкой — учителя».

После 1950 года стали одна за другой появляться при храме монахини. В послевоенные годы церковь опять переживает гонения: многие приходы закрывают, новым отказывают в регистрации, в церковь не пускают молодых. Очень важно, что до середины 1980-х годов люди старшего поколения,отягченные болезнями и годами, не прекращали преданного служения Богу.

С 1950 до 1982 года алтарницей в храме трудилась монахиня Сергия (Слепцова), а ей к началу пятидесятых было уже 60 лет, за плечами — десять лет лагерей, работа почтальоном в Сибири, отмеченная медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Многие ангарчане с любовью вспоминают второго священника Тельминского храма — игумена Евгения (Красноперова).

История тельминских подвижников еще ждет своих исследователей.

Отец Михаил служил в Тельминском храме до семидесяти шести лет, почти тридцать лет был его настоятелем. Только последние три года перед смертью он был на покое в Иркутске. Сюда к нему приезжали тельминцы.

Умер протоиерей Михаил Семенович Мещеряков на восьмидесятом году жизни в ноябре 1977 года, отпевали его в храме

Знаменского монастыря, погребли в Иркутске на Радищевском кладбище. Приходится слышать, что на могиле отца Михаила в дни его памяти служат панихиды иркутские священники и приезжающие из разных мест люди, которые чтят его память (протоиереи Василий Романов из Ельца, Анатолий Зайшлый из Курска). В нашем храме имени протоиерея Михаила, игумена Евгения, монахинь Сергии, Ксении, Александры звучат нередко во время чтения молитв об усопших или когда совершаются панихиды, наверняка поминают их и в Усолье, в иркутском храме Михаила Архангела, в Шелехове. На тельминском кладбище есть особая церковная ограда с могилами отца Евгения, дьякона Иоанна, монахинь; два года назад служивший в Тельме протоиерей Онуфрий Медведь и ангарчанин священник Сергей Кандыбин установили над могилами новые кресты, могилы ухожены, дорога к ним не забыта.

Существует предание, что на могиле отца Михаила в Иркутске находился металлический венчик с надписью «Пастырю доброму». Люди, бывающие на могиле постоянно, не подтверждают этого. Но моя московская подруга, помогающая нам разыскивать людей, знавших отца Михаила, сказала: «Если вы захотите это сделать, я готова участвовать». За это время не раз была возможность убедиться, что память и любовь к почившим праведникам живы и действуют в сердцах многих православных христиан Иркутской области и за ее пределами.

Хочу поблагодарить настоятеля Ангарского храма отца Владимира Килина, от которого впервые услышала о тельминских праведниках, за его благословение и помощь в отыскании людей, знавших отца Михаила, благодарю дьякона Сергия Исьянова, спросившего: «Почему вы детям не рассказываете о таких людях, как отец Михаил, отец Евгений?», Серафиму Федоровну Чистову, написавшую свои воспоминания об отце Михаиле, Татьяну Берхину, записавшую воспоминания Веры Михайловны Шаповаловой в Москве, саму Веру Михайловну за радушный прием и помощь, а также всех, кто хранит память о священнике Михаиле Мещерякове.

ЛИТЕРАТУРА

Иером. Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. — Тверь, 1992. — Ч. 1. — С. 223.

Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь. — М., 2000. — С. 285.

В САЯНСКЕ ОСВЯЩЕН НОВЫЙ ХРАМ: ИНТЕРВЬЮ С ПРОТОИЕРЕЕМ АЛЕКСЕЕМ СЕРЕДИНЫМ

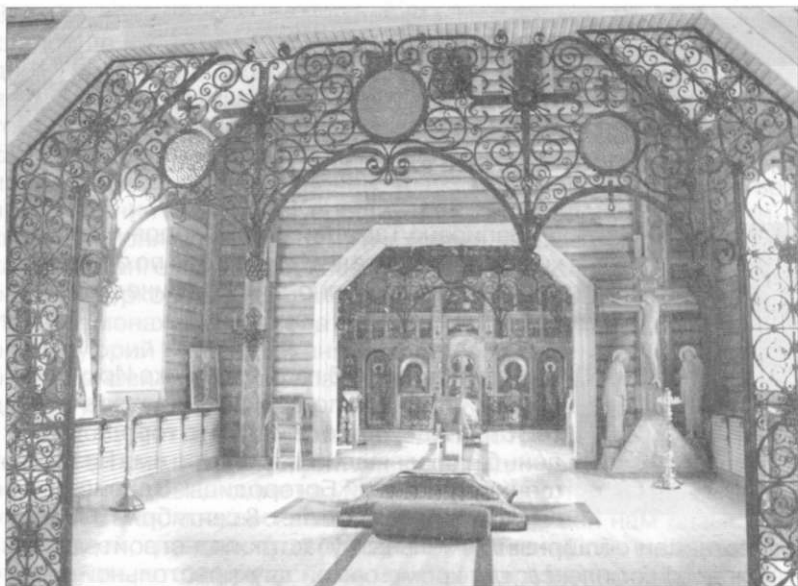

Записано Тамарой Александровной Крюковой, заместителем директора по фондовой работе Архитектурно-этнографического музея «Тальцы».

9 февраля 2003 года в Саянске Иркутской области произошло событие, которое золотой страницей ляжет в историю города. В этот день была освящена церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Здание церкви строилось десять лет. 8 сентября 1993 года был отведен обширный земельный участок под строительство храмового комплекса, где кроме самой двухпрестольной церкви предполагалось было построить детский приют, гостиницу и

**Церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы
в г. Саянске**

Интерьер главного (верхнего) храма

воскресную школу. И вот совершилось! Удивительной красоты деревянный Благовещенский храм освятил в сослужении со священнослужителями из Иркутска, Усть-Илимска, Киренска, Саянска, Зимы и из других приходов Иркутской епархии архиепископ Иркутский и Ангарский Вадим. Создан еще один духовный очаг православия на славной Сибирской земле.

Мы беседуем с протоиереем Алексеем Серединым, который все десять лет духовно окормлял участников строительства храмового комплекса и был главным вдохновителем и идейным организатором всех этапов строительства.

Т.А. Крючкова: Отец Алексей, давайте вспомним те времена десятилетней давности, когда возникла идея строительства этого храма.

Отец Алексей: Более десяти лет назад я служил в Крестовоздвиженской церкви Иркутска. Меня назначили дополнительно окормлять еще приход, который сформировался в Саянске. Город в то время находился в трудном финансовом положении. Завод уже девять месяцев не работал, остро ощущалась социальная депрессия. В недавнем прошлом Саянск был благополучным городом. Здесь люди неплохо зарабатывали, в магазинах все было. Люди имели возможность покупать мебель, строить красивые дачи. И

вдруг этого не стало. Многие жители Саянска были в отчаянии, обращались к психиатрам, случались самоубийства. Было жалко людей. Вот, видимо, это и зацепило. Нужно было людям показать выход. Мы почувствовали, что городу нужен храм как символ какой-то другой жизни, к которой можно идти и нужно идти. Когда рассказал о ситуации владыке Вадиму, он принял решение: строить в Саянске приход с присутствием священника.

Первоначально богослужения совершали где только было возможно: и в актовых залах предприятий, организаций, и в фойе Дворца культуры «Юность». Потом нам было передано помещение детской группы в детском саду № 30, который был закрыт. Семь лет там находился приход, мы оборудовали домовую церковь. Первое время на богослужения я ездил из Иркутска, потом стал снимать квартиру и мы с семейством переехали в Саянск. Затем дали квартиру, в которой мы до сих пор живем. Обосновались здесь, дочь вырастили, она теперь вышла замуж, стала ма-тушкой, то есть женой священника, который служит в Зиме. Сы-нок родился здесь, так что мы стали саянцами.

Т.А. Крючкова: Отец Алексей, а откуда вы родом, где учились, когда пришли в церковь?

Отец Алексей: Родился, учился, работал в Иркутске. Вначале юрисконсульт в Кировском тресте жилищного хозяйства, затем в институте «Востсибгипрошахт». Мой первый храм — Крестовоздвиженский. Первый священник — отец Александр Белый, он же близкий друг.

Т.А. Крючкова: Благовещенская церковь начала строиться в очень сложное время, как вы преодолевали трудности?

Отец Алексей: Мы начали строить храм хозспособом, то есть сами. Средств каких-то на содержание аппарата, инженерно-технических работников не было. У меня было несколько помощников. Все, что удавалось нам раздобыть, шло на покупку элементарного оборудования и на содержание благотворительной столовой, которая у нас существует с первого дня строительства. В ней питаются не только рабочие, но и

С. Вершинин. Икона «Богоматерь Корсунская». 2002 г.

много других людей, которым негде получить горячий обед. Приходят, мы их кормим, кому-то с собой даем кое-что из продуктов. До сих пор так.

За все платить нам было сложно. Мы нашли выход из положения в сельскохозяйственной деятельности. У нас есть поле в 20 гектаров, на котором мы выращиваем все необходимые овощи. Излишки реализуем. Кровля на приюте куплена на деньги от продажи овощей, которые сами вырастили. В Саянске было общепринято иметь две, даже три дачи. Это не стяжательство. Люди думали о детях, которые, став взрослыми, будут иметь свой клочок земли. До сих пор Саянск поражает обилием дач и огородов. Церковный приход пошел тем же путем.

У меня долго не было уверенности в том, что храм будет построен. Все случается в слабости. «Сила Божия в немощи» — это я познал с полной силой. Оглядываясь назад, я вижу цепь событий, которые промыслом Божиим были выстроены. Я не строитель, не архитектор, не дизайнер, никогда в жизни не занимался строительством. Пришлось в процессе созидания храма постигать множество строительных секретов. Какая-то сила помогала. Вовремя появлялись нужные люди, появлялись в нужный момент стройматериалы и т. д.

Т.А. Крючкова: Как было выбрано место под храм?

Отец Алексей: До нас выбором места занимался зиминский священник Николай Повальский, но окончательно им выбор не был сделан. Я в тот период еще плохо знал город. Меня возили по городу, по его окрестностям, и каждый советовал свое. Раньше было так: строился храм и вокруг него город. Саянск уже стоял. Как выбрать место в уже в существующем городе? Все подходящие высоты заняты, в центре города также подходящих площадок не было. Нам нравилось место при въезде в Саянск, напротив картинной галереи. Но архитекторы сказали, что есть в лесном массиве оставленный под Дворец пионеров гектар земли, который строиться не будет, и эту землю можно оформить под строительство храма. То есть это место было не выбрано, а дано.

Т.А. Крючкова: Почему было выбрано дерево для строительства церкви?

Отец Алексей: Время и жизненные события продиктовали, каким быть храму. Конечно, лучше бы было построить храм из камня, что было бы традиционно. Каменные здания долго стоят, их эксплуатация более надежна, так как деревянные постройки с пожарной точки зрения опасны. Но бетонный завод в Саянске был в то время в бездействии. Кирпич в Саянске не производили. Ближайший кирпич можно было купить в Братске и Иркутске.

Везти его машинами — огромные затраты. Начали думать о том, какая альтернатива существует каменному строительству. В Зиме была организация «Зиминсклес». Она заготавливала очень большое количество леса. Я встретился с директором этой организации. Он мне сказал, что если дадут разрешение на вырубку леса, то «Зиминсклес» сможет нам его заготовить. Мы написали письмо в область, нам разрешили заготовить полторы тысячи кубометров лиственницы. Таким образом, дерево мы выбрали потому, что не было возможности за минимальную плату достать другой строительный материал.

Дальше стал вопрос: что и как мы будем строить? Есть книги замечательного архитектора и реставратора Александра Викторовича Ополовникова. Мы начали их рассматривать и нашли в них планы реконструкции северных храмов. Я понял принцип строительства древних храмов. Главное требование — это красота, а не функциональность, при которой строительный объем должен быть использован максимально. Если посмотреть на наш храм, две трети строительного объема использовано на украшение. С точки зрения обывательского строительства, помещения колокольни и других частей храма «ненужные», так как они не используются. Но они служат украшением, придают законченность формам. Раньше, когда строили церкви, материал не экономили. Строили храм как приношение, как дар Богу, а дар Богу не считают, от всего сердца последнее отдают. Этот принцип прослеживался в северных храмах. Мы выбрали один из храмов, который нам особо понравился утонченностью своих форм. Это Варваринская церковь в деревне Яндомозеро в Карелии.

Начали искать людей, которые топорами могли бы воплотить замысел в жизнь. Мне пришлось поехать по области в поисках бригад, которые могли бы сделать это. «Зиминсклес» заготовил древесину в марте. Мы начали узнавать, как надо бревно класть, где у него годовые слои плотнее, где разреженной. Бригады, которые были сюда приглашены, не справились с задачей, потому что объем предстоящих работ был просто грандиозным. Сейчас мы понимаем: построить храм в наших условиях бригадой из 10–12 человек было нереально. Нужна была бригада, как минимум, из 50–100 человек, которая бы могла это сделать. Раньше такие большие плотницкие артели были. Они собирались для выполнения отдельных видов работ из разных мест. Люди знали плотницкие секреты, которых было очень много. Мы из них только малую часть узнали в ходе нашего строительства. Вот так мы начали строительство храма.

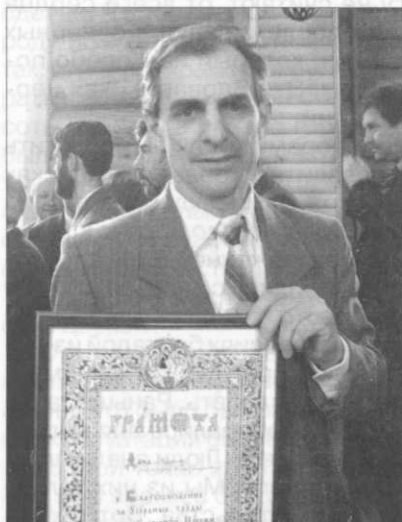
Позже мы пришли к мысли, что живем в такое время, когда на смену мастерству человеческих рук приходит техника. Местному рационализатору Владимиру Ромашко было заказано оборудование по калибровке лесин, так как никаких калибровочных станков не было. Он разработал линию по обработке дерева методом встречного фрезерования. За прототип был взят токарный станок, который позволял на встречных скоростях движения резца и бревна создавать очень большую скорость и, что самое главное, — эффект рубки топором, потому что если станок работает в одну сторону, то поры на дереве как бы оголяются, раскрываются, атмосферные осадки проникают в них и начинается процесс гниения. Когда же дерево рубят топором или, как в нашем случае, обрабатывают его методом встречного фрезерования, то поры как бы затесываются и дерево становится непроницаемым.

Строили опытным путем. Смотрели, достаточно высоты или недостаточно? Составить проект сидя в кабинете очень сложно. Надо быть чрезвычайно талантливым человеком. В себе я таких талантов не почувствовал. Храм наш строился, как художник рисует. Мазнул — пошел посмотрел. Ага, лишнее, надо стереть.

Т.А. Крючкова: Отец Алексей, назовите ваших помощников при строительстве храма.

Отец Алексей: Я считаю подарком Божиим, что на стройку пришел Владимир Григорьевич Муратов, человек многоопытный, он всем руководил и все построил. Это уникальный человек. Это его руками мои мысли каким-то образом получали воплощение. Но те, которые он не мог воплотить, просто-напросто отвергались без обсуждения, и очень жестко.

Много сделали, чтобы храм был столь нарядным, очень талантливые люди, такие как резчик по дереву Александр Владимирович Марков, художник по металлу Георгий Тарасюк, иконописцы Галина Александровна и Николай Сергеевич Новиковы. Люди, без которых практически храм бы не пост-

Резчик по дереву А.В. Марков

**Архиепископ Иркутский и Ангарский Вадим
вручает награду В.К. Круглову**

роился, — это староста нашей церкви Людмила Афонина, Татьяна Лобанова, Татьяна Рагинис, целая семья Ермишкиных — мама с двумя детьми, сестры Лопатины. Много сделали для храма руководители предприятий. Один из них — генеральный директор АО «Саянхимпласт» Виктор Кузьмич Круглов. Сначала было личное общение. Потом он принял крещение, вся его семья крестилась. Заместитель его Александр Викторович Кривопуско тоже крестился. Через крещение они увидели в строительстве храма не просто помощь батюшке, который в ней очень нуждался, а уже какую-то свою внутреннюю идею воплощали в этом строительстве.

Нельзя не упомянуть других людей, очень близких мне, с которыми я делил многие свои горести и радости. Это руководители Новозиминской ТЭЦ, бывший директор Сергей Иванович Бабкин, сегодняшний директор Василий Иванович Меркулов, заместитель его Николай Сергеевич Трубников, главный инженер Вячеслав Васильевич Гусев. Все они вокруг меня создали такую атмосферу, когда достаточно было что-то сказать о какой-то проблеме, задаче, и они сразу готовы были прийти на помощь.

Торжественное богослужение в храме

Не нужно было долго объяснять, кого-то в чем-то убеждать. Огромный вклад в создание храма внесли бригадиры Владимир Анатольевич Татуев и Виктор Григорьевич Александров, под руководством которых выполнены деревянные и бетонные работы. Искренний низайший поклон всем им.

Трудности при строительстве возникали немалые. Наш объект был особым. На территории храма нельзя курить, ругаться, выпивать. Нельзя прийти с похмелья на работу, у нас каждый день проверяли на алкоголь. Поэтому многие люди не смогли здесь работать, текучесть кадров была огромная.

Помогали горожане, прихожане. Люди увидели в храме частицу того, что можно назвать своею верою, и самоотверженно помогали в строительстве, переступая через свои болезни. Многие прихожане за эти годы как бы этот храм родили. Это их храм, здесь частица их здоровья, поэтому он для нас очень ценен. Я думаю, в нашем храме любой человек в первую очередь увидит не его материальное благолепие, а труд, которым рождено это благолепие. Огромное спасибо всем, кто внес свой посильный

вклад в строительство нашего храма. За время его созидания здесь «родились» и «выросли» будущие священники, которые сегодня уже имеют свои приходы.

Т.А. Крючкова: Храм освящен. Какие у вас планы на будущее?

Отец Алексей: Храм для меня — это судьба человеческая. Мы создали форму, создали тело. Сейчас наша деятельность должна получить другое направление. Нам необходимо переосмыслить строительный подход. Когда приходится быть на войне — это одни законы. Когда живешь мирной жизнью — это другие законы. Возникло много непонимания. Не потому, что многие люди, может быть, злые, а потому, что условия строительства сами по себе не могли не заставить жить человека в какой-то самодисциплине, отрешенности, которую он должен был требовать и от других, иначе ничего не сделаешь. Приходилось быть жестким. Мы рассматривали это как войну, войну за храм, войну за нашу веру. Мы сами себе показывали, насколько мы верующие люди. Поэтому на наши отношения это накладывало определенный отпечаток. Мы должны это переосмыслить. Сейчас мы должны вернуться с войны и начать жить мирной жизнью. Нужно обратиться к внутреннему содержанию, наполнению нашего храма. Это первое. Второе: мы не случайно при церкви строим приют. Хотим, чтобы здесь обрели свой дом дети. Многие спрашивают: как это? Мы имеем собственных детей, и маленький опыт у нас есть. Есть понимание, что человек в жизни должен быть цельным. Я уверен, что если в человеке с детства заложены принципы веры, не компромисса, а именно веры глубокой, до самоотречения, то в жизни человека это самое главное, кем бы он ни был. Пускай он будет нянечкой или сиделкой медицинской, человек должен быть с убеждениями. Задача педагогики в такого плана учреждениях, на мой взгляд, заключается в том, чтобы маленького человека научить жить по вере. Не совмещать ее с делами, а именно быть верующим человеком конкретно в жизни навсегда. Я так думаю.

Т.А. Крючкова: Спасибо, отец Алексей. От имени православных христиан Иркутской области хочу выразить вам и всем строителям Благовещенского храма огромную признательность за ваши труды по созданию удивительного духовного светильника в Саянске. Низкий поклон вам до земли.

СЕЛЬСКИЙ ПОГОСТ (ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ОДНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ)

*Александра Карповна Нефедьева,
заместитель директора по науке
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

На опушке леса, окруженной с юго-восточной стороны плотным строем деревьев, на равнинной местности, огибаемой с северо-запада пожарной дорогой, расположено небольшое кладбище. Это одна из действующих экспозиций ангаро-илимской зоны Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Появилась она в тот период, когда специалисты методических отделов ведущих музеев страны вели горячие споры по вопросу, возможно ли строительство кладбищенских комплексов в архитектурно-этнографических музеях. Споры эти были вызваны попытками некоторых архитекторов и этнографов представить в экспозиции кладбища с их интересными формами малой архитектуры, через которые была бы возможность показать определенный пласт народной культуры. Но начинатели встретили яростное сопротивление у большинства научных сотрудников, работающих в разных музеях. Сама постановка вопроса о строительстве кладбищенской экспозиции считалась ими безнравственной. Слишком сакральным и священным местом является кладбище, и имитация его воспринимается как кощунство и святотатство.

Автор статьи, разработчик и строитель данной экспозиции, названной «Сельский погост», была такого же мнения и даже после завершения строительства практически не изменила его, и всякий раз, проходя мимо музейного кладбища, испытывает противоречивое чувство. Во-первых, удовлетворение, что покойники, перенесенные с тальцинского кладбища из зоны затопления его водами Иркутского водохранилища на новое место и захороненные в одной братской могиле, наконец обрели пристанище, подобающее православным христианам. Во-вторых, вину и даже тайное раскаяние, так как в место перезахоронения была

введена часть несуществующих захоронений с устройством могил и надгробий, характерных для Среднего Приангарья (север Иркутской области) конца XIX – начала XX века.

Идея воссоздания кладбища конца XIX – начала XX века возникла вследствие сложившихся обстоятельств. Долго работая в музее, только в восьмидесятые годы узнала, что холм размером 10 x 4 метра, расположенный недалеко от временной промзоны музея, — не просто возвышенность, а общая могила тех умерших, тела которых родственники по разным причинам не смогли перенести на новое кладбище, расположенное в шести километрах от музея «Тальцы» в селении Большая Речка, куда большая часть их переехала на новое место жительства. Покойников, которых не перезахоронили их родственники, перезахоронило государство на возвышенном плато в «Тальцах», не попадаящем под затопление, в полутора километрах от бывшего кладбища в общей могиле. Холм был не ухожен, постоянно зарастал кустарником, рядом с ним строители ставили трактора, машины.

Решение обустроить захоронение в виде старинного кладбища пришло сразу, началось изучение темы. К этому времени большинство сел и деревень Приангарья, также попавших в зону затопления водами Братского и Усть-Илимского водохранилищ,

Сельский погост в музее «Тальцы». Худож. В. Нефедьев

были сожжены и затоплены. Изучение темы проходило в Кежемском районе (Красноярский край), до революции этот район входил в Иркутскую губернию. По выявленным материалам, кладбище — площадка размером 30 x 20 метров, было огорожено разрезанным заплотом (в пазы толстых столбов бревна вставлялись, не прилегая друг к другу, а на определенном расстоянии, по принципу поскотины).

Строительство экспозиции было продолжено в 1990-е годы. В экспедициях уже был собран весь необходимый материал для ее создания. В частности, было выявлено наличие на большинстве кладбищ часовен или небольших домиков, выполняющих их роль. Среди обычных надгробий самым распространенным был могильный холмик с установленным на нем восьмиконечным крестом, закрытым от дождей голубцами. Встречались резные кресты, изготовленные из лиственницы, обычно высокие и мощные. Но самые интересные находки среди надгробий были обнаружены сотрудником музея О.В. Бычковым на старом, заброшенном кладбище поселка Кежма. На могилах, зарастающих лесом, он нашел несколько надгробий в виде домиков, ориентированных традиционно для православных с запада на восток. С восточной части к домикам примыкал крест, высоко возвышающийся над ними. Домики были изготовлены из разного материала: леса-тонкомера, диаметром 18–20 сантиметров, и плах. Сруб, как правило, состоял из трех-четырех венцов размером 180 x 40–50 сантиметров, был рублен в одних случаях «в лапу», в других — «в обло» и крыт двускатной кровлей из дранья, обычно в один ряд. Кровля сверху крепилась охлупнем. Охлупень с обеих сторон, как свидетельствует одна из фотографий, сделанных О.В. Бычковым (фонд музея), оканчивался коньками.

О.В. Бычковым были сфотографированы и описаны голбцы, так назывались в народе эти надгробья, сколоченные из плах. По рассказам жителей села Кежма, голбцы устанавливались на могилах некоторых поселян до Великой Отечественной войны. Устройство домовин — голбцов — на могилах умерших являлось характерной чертой обрядности восточных славян и было особенно распространено, судя по трудам Б.А. Рыбакова, в начале I века нашей эры у вятичей, где такие захоронения составляли целые кладбищенские городища. «Обычай хоронить в домовинах, или, точнее, возводить домовины над христианскими могилами дожил в земле древних вятичей до начала XX в.» (Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — М.,

1987. — С. 109). Но подобные захоронения были обнаружены этнографами в конце XIX века и в Рязани, и на Русском Севере. В Сибирь этот обычай был завезен переселенцами XVII века и сохранился здесь, в землях Среднего Приангарья, до первой половины XX века. Причинами этого были замкнутый образ жизни и отсутствие дорог в регионе.

Уникальность данного явления обусловила решение привнести в реально существующие в «Тальцах» захоронения все виды надгробий, бытовавших в Среднем Приангарье в конце XIX века. В результате кладбище стало состоять из подлинного братского захоронения с установленным на нем поминальным крестом, рядом с этой могилой (несколько юго-западнее) была поставлена часовня, аналогом которой послужила подлинная часовня села Сухое Кабанского района Республики Бурятия. Западнее часовни расположились искусственные могилы — четыре с голбцами и крестами разного типа и две с земляными холмиками и крестами над ними, наиболее часто устанавливаемыми народом на могилах.

По завершении работ, в 1992 году, кладбище было освящено архиепископом Иркутским и Ангарским Вадимом. Иногда на Радоницу здесь совершаются поминальные богослужения с присутствием родственников умерших. Родственники часто посещают кладбище, украшают могилы цветами. Некоторые из них, особенно если был захоронен ребенок, облюбовали какую-то из искусственных могилок, считая, что именно в ней покоится прах их близкого, и трепетно ухаживают за ней.

Заканчивая рассказ об одной из самых спорных экспозиций музея, хочется думать, что она, несмотря на ее двойственность, сочетание подлинного и искусственного, все же несет в себе положительное начало. Она учит посещающих ее помнить о своих умерших, ухаживать за их могилками и не допускать полного о них забвения.

ЛИТЕРАТУРА

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — М., 1987.

Национально-культурное развитие России. — СПб., 2003. — 144 с.

24–26 января 2003 г. Улан-Удэ, Республика Бурятия. Россия. Научно-практическая конференция, посвященная 350-летию основания села Посольск и Посольского Спасо-Преображенского монастыря. На заседаниях конференции обсуждались следующие проблемы: история Сибири XVII–XX веков; распространение православия на территории Сибири и Дальнего Востока; роль духовных лиц в истории Сибири; Посольский монастырь и российские духовные, дипломатические и другие миссии на Востоке и их историческое значение; роль Посольского монастыря в истории и культуре Центральной Азии.

15–16 мая 2003 г. Иркутск. Россия. Областная научно-практическая конференция «Православная культура и современное образование». На конференции решался вопрос о возможности введения преподавания учебного курса «Основы православной культуры» в образовательных учреждениях Иркутской области. Практическим результатом конференции стало решение о создании в Иркутске курсов для подготовки учителей, которые смогут преподавать основы православной культуры в светских школах.

17–20 августа 2003 г. Тобольск. Россия. Всероссийский фестиваль историко-культурного наследия народов Сибири «Тобольский музей встречает друзей», посвященный 59-й годовщине образования Тюменской области. В рамках фестиваля работало несколько программ: выставочная — «Все музеи в гости к нам», фольклорная — «Венок дружбы», ремесленная — «Город мастеров», музыкально-поэтическая — «Стихи и песни над Иртышом», а также научная программа «Заповедное дело», на которой был проведен круглый стол «Проблемы сохранения архитектурных и природных памятников».

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. — Тверь, 2002. — 288 с.

В первую книгу многотомного издания вошли жизнеописания 62 подвижников, прославленных на Архиерейском Юбилейном Соборе в августе 2000 года, а также вошедших в Собор новомучеников и исповедников Российских в послесоборный период на основании решений Священного Синода в 2000 и 2001 годах. Все жития по древней агиографической традиции размещены в хронологическом порядке по дням памяти подвижников. Данный том включил в себя жития тех, чья память пришлось на месяцы январь — май включительно. Вместе с жизнеописаниями публикуются фотографии мучеников и исповедников. Материалы книги должны стать неоценимым подспорьем для создания икон новомучеников.

Вздорнов Г.И., Залесская З.Е., Лелекова О.В. Общество «Икона» в Париже: В 2 т. — М., 2002.

Общество «Икона» в Париже — общественная организация, созданная в 1927 году по инициативе известного общественно-го деятеля и совладельца крупного коммерческого и банковского дела В.П. Рябушинского. Оно объединяло многих художников-иконописцев, архитекторов, ученых и писателей, оказавшихся после революции за пределами России. Материалы по истории этого общества извлечены из архивных источников и зарубежной прессы 1920–1990-х годов. Издание вышло в двух томах: в первом томе даны сведения о многообразной деятельности общества, во втором томе публикуются научные статьи членов общества, большая часть которых напечатана впервые. Издание включает в себя много редких иллюстраций.

Национально-культурные и религиозные организации Санкт-Петербурга. — СПб., 2003. — 144 с.

Книга состоит из трех разделов, в которых приведены документальные материалы по истории образования культурно-просветительских обществ XVIII–XX веков в России и Петербурге, впервые публикуется база данных о более чем 180 националь-

но-культурных объединениях и 30 межнациональных организациях, а также приводятся адресные данные о почти 250 действующих храмах различных конфессий Петербурга, при которых существуют религиозные объединения верующих. Книга издана Комитетом по внешним связям администрации Петербурга при участии Российского Этнографического музея.

Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Редактор-составитель И.А. Кочетков. — М., 2003. — 816 с.

Издание представляет собой первый полный словарь русских иконописцев эпохи Средневековья. В него вошел материал всех ранее вышедших словарей, а также сведения, почерпнутые из различных изданий и архивных фондов, с максимально широким объемом цитирования документальных источников. Впервые в словарные статьи включены сведения о сохранившихся произведениях известных авторов. Новый словарь значительно расширяет список имен русских иконописцев.

Диакон Андрей Кураев. Основы православной культуры как лекарство от экстремизма: Очень личные размышления. — М., 2003. — 64 с.

Новая работа дьякона Андрея Кураева посвящена жгучей проблеме, развернувшейся в российском обществе в связи с решением Министерства образования о введении в школьную программу факультативного предмета «Основы православной культуры». Автор высказывает свое мнение по дискутируемым вопросам, считая, что курс основ православной культуры — это превентивный образовательный удар против существующего в обществе экстремизма.

О. Сергей Бейлинов. Священник, врач, пациент. — СПб., 2003. — 240 с.

Книга представляет собой своеобразный цикл записок, посланий и речей о высоком и таинственном призвании человека, о непостижимой глубине отношений Бога и человеческой личности. Автор книги, ныне почивший, наделен многими талантами, среди которых дар любящего пастыря, дар телесного врачевания, дар сострадания и утешения. Эта книга — обращение к Богу и обращение к людям с верой, надеждой и любовью.

ЮРОДИВЫЙ*

Василий Никифоров-Волгин

Вечерняя степь в синих снежных переливях. Звонко-морозная дорога, верстовой поникший столб, ветер и шуршистый тихий дым зачинающейся вьюги. По дороге идет путник. Без шапки, в рваном полушубке, седой и сгорбленный. Он шел истовым монашеским шагом и пел по-древнему заунывно и молитвенно:

Вы голуби, вы белые,
Мы не голуби, мы не белые.
Мы ангелы охранители,
А душам вашим покровители.

Навстречу путнику гремь бубенчиков и песня. Из синих пушистых глубин вынырнули деревенские сани, с седой от снега лошадью. В санях сидели пьяные мужики, пели песню и обнимались.

— А... Никитушка! — загомонили они, останавливая лошадь. — Куда плетешься, Богова душа?

Путник улыбнулся им и поклонился в пояс. От улыбки его глаза мужиков стали тихими и светлыми.

— Господь туда зовет... — зябко прошептал путник, указывая в степную завьюженную даль.

— Замерзнешь ты в степи!.. Ишь, снег-то пошел какой неумный!

— Это не снег, а цветики беленькие, — строго ответил Никитушка. — Господни цветики!..

Поглядел на дымно-сизое небо и с улыбкой досказал:

— Весна на небесах... Яблоньки райские осыпаются!..

Мужики задумались, а потом, вспомнив что-то, засуетились:

— Никитушка! Нехорошо быть в степи одному. Садись к нам в сани. Поедем в гости, а?

* Печатается по книге: Никифоров-Волгин В. Дорожный посох. — М., 1992.

Никитушка замахал руками.

— Не замайте меня, ибо на мне рука Господня!..

Один из мужиков, самый пьяный и лихой с вида, грузно сошел с саней и, сорвав с головы лохматую шапку, угрюмо молвил:

— Благослови меня недостойного! Ты святой!..

Никитушка рассмеялся и запел:

— «Воскресение день, просветимся людие. Пасха, Господня Пасха, от смерти бо к жизни, и от земли к небеси!..»

Смотрели на него затаенными древнерусскими глазами. Самый пьяный и лихой с вида растроганно протянул Никитушке шапку и сказал:

— Прими от меня. Холодно тебе. А я и без шапки доеду!

Путник скорбно отстранился от дара, низко поклонился мужикам и ушел от них...

Долго смотрели ему вслед и молчали.

Когда замолкли вдали бубенцы, то Никитушка повернулся в сторону уезжающих и перекрестил их.

С тонким льдистым посвистом, звеня снежной поземкой, колыхался по степи выюжный ветер.

С мертвой ракиты упал голубь, забитый морозом. Никитушка поднял его, запрягал за пазуху и, тихо улыбаясь, слушал, как вздрагивала окоченевшая птица.

Наступала долгая степная ночь. Вдали послышался озябший собачий лай, и засветили желтые крестьянские огни. Среди сугробов, вскрай дороги стояла черная бревенчатая изба.

Путник вошел в теплое утро ее и остановился на пороге. В тусклом свете керосиновой лампы, за длинным щербатым столом, сидело пять мужиков и пило водку.

Из сидящих за столом выделялся, как береза среди черных елей, лишь один. Был он ясноликим, кудрявым, ладным, с высоким чистым лбом.

При взгляде на вошедшего старика он перестал пить, и глаза его стали тревожными.

— Кто это? — шепотом спросил он у хозяина.

— Никитушка, — ответил тот дряблым от опьянения голосом, — юрод. Не то блажен муж, не то вскуе шаташася. Нам не разобрать. Мавра! — крикнул он за перегородку. — Подай Никитушке стей!

— Да что это ты, Федор, так на него воззрился-то? — обратился он к кудрявому. — Выпей жбанчик.

Федор залпом выпил водку и рассмеялся шипящим и ползу-

чим смехом, от которого все вздрогнули.

— Что это тебя проняло-то? — спросили его.

— Старик мне преподобного напомнил, мощи которого я из гробницы выбросил!

— Какого преподобного? — испуганно съезжились мужики. — Выпил ты, Федюшка, лишнего. Муть у тебя в голове пошла!

— Хотите расскажу? — со смехом спросил Федор.

— Зачем же ты смеешься? — угрюмо заметили ему.

— Это я так. Я, братишки, не смеюсь. Смех этот, братишки, у меня вроде болезни. Итак, слушайте: в Сретенском монастыре вскрыли мы мощи одного святого и выбросили их на улицу...

За перегородкой послышался стон Мавры. Мужики опустили головы и старались не смотреть друг на друга.

— После этого дела пошли мы в трактир...

У Федора останавливалось дыхание и лицо перекашивалось судорогами.

— Сколько я пил в трактире — не помню! Чем больше пью, тем на душе страшнее... И все время стоит рядом угодник в черной схиме и желтые руки тянет ко мне... и шепчет что-то...

— Шепчет? — переспросил один из мужиков помутневшим голосом и тревожно посмотрел на темное окно.

— Я как вскрикну в трактире! Меня успокаивать стали... После этого я в горячке пролежал больше месяца... И вот теперь, братишки, куда я ни пойду, за мною все тень угодника ходит...

— Ты только не смейся, — перебили Федора, — нехорошо ты смеешься!

— Я не смеюсь, братишки! Я же вам сказал, что это у меня вроде болезни!

— Это не снег, а цветы райские осыпаются, — прошептал Никитушка, держа в руках обогретого голубя.

Он склонился над ним и пел однообразно и причитно:

— Вы голуби, вы белые... баю, баюшки-баю...

Федор цепко прислушивался к заунывному баюканью юродивого и, ухватившись за руку хозяина, опять спросил его:

— Кто это?

— Я же говорю тебе, завьюженный ты человек, что это Никитушка, Божий человек. Погляди-тка, он голубя спать укладывает...

— У него лицо как у того... и руки тонкие, желтые... его!

— У кого, Федор?

— У преподобного!.. Мощи которого я вскрывал...

Из-за перегородки вышла Мавра и спросила Федора:

— А почто ты это делал? Матушка, что ли, тебя не благослови-ла али Ангел Хранитель тебя покинул?

— Ты волк! — пробормотал охмелевший мужик, погрозив Фе-дору землистым пальцем.

— Это верно, что я волк, но по натуре-то своей я жалостный. Ежели, например, запоют, бывало, монахи панафиду али акафист, то у меня на глазах слезы и душа от жалости на части разрывает-ся! Вот и поймите вы меня, братишки!

Мавре хотелось успокоить его, но вместо утешительных слов она подошла к иконе и затеплила лампаду.

Федор смотрел на Божий огонек, и лицо его светлело, и опять он казался березой среди черных угрюмых елей.

Когда все улеглись спать, то Федор подошел к лежащему на скамейке юродивому и поклонился ему до земли. Никитушка приподнялся со своего ложа, обнял его и благословил.

Об авторе: творчество **Василия Акимовича Никифорова-Волгина** (1901–1941) современному читателю почти неизвестно. Его произведения занимают свое, определенное место в ли-тературе русского зарубежья. Глубоко верующий, В.А. Никифоров-Волгин сосредоточился на теме судьбы Русской православ-ной церкви. При жизни писателя было опубликовано только два его сборника: «Земля именинница» (1937) и «Дорожный посох» (1938). Выходу третьей книги помешали события лета 1940 года — установление советской власти в Эстонии. Писатель был аре-стован органами НКВД, отправлен по этапу в г. Киров, где был расстрелян.

МОЛИТВЫ СИБИРСКИМ СВЯТЫМ

Молитва святителю Иннокентию Иркутскому

О, великий Христов угодниче, святителю отче Иннокентие! Услыши нас, тебе молящихся! Ты веси наши скорби и недуги, слышиши воздыхания множества к тебе притекающих, сего ради к тебе, яко отцу нашему, скорому помощнику и молитвеннику зовем: не остави нас твоим у Бога ходатайством. Мы присно заблуждаемся от пути спасения: руководи нас, милостивый наш наставниче. Мы немощны в вере: утверди нас, правоверия учителю. Мы зело убози сотворихомся добрых дел: обогати нас, благоутробия сокровище. Мы присно наветуемы есмы от враг видимых и невидимых и озлобляемы: помози нам, беспомощных заступниче. Гнев Божий, праведно движимый на ны за беззакония наша отврати от нас твоим ходатайством, у престола Судии Бога, Ему же ты предстоиши на небеси, отче иерарше — архиереев похвало. Услыши, молим тя, великий Христов угодниче, и zde с. молением тебе предстоящая и вся на всяком месте тебе с верою призывающая, и испроси молитвами твоими у Отца Небесного всем нам прощения грехов наших и от бед избавления. Ты бо еси свидетельствованный бесчисленными чудесами помощник, заступник и молитвенник, и о тебе славу возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Молитва святителю Софронии Иркутскому

Святче Божий, Святителю Христов, добрый Пастырю словесного стада, человеце Божий, новый Чудотворче и неусыпный к Богу молитвинниче за страну нашу, отче Софроние, призри с высоты небесная на нас, с верою и любовью поклоняющихся образу твоему и честным останкам святых мощей, в наше утешение избывшим от всепожаряющего огня. Призри Святче Божий, и виждь наше нестроение и раздоры, нашу тугу, скорбь и сердечную болезнь, от лишения братских любве пребывающая. Испроси у Христа Бога коемуждо нам благодати смирения, познания своя греховности и самоукорения, да внимающе кийждо своей совести престанем осуждати ближнего, клеветати и поношати, но, соединившись друг ко другу любовью, сподобимся мирно во смирении прочее время живота пожити и улучшить христианскую кончину. Да совокуплешся в будущей жизни со всеми святыми и с тобою, пастырю наш, прославим Единого в Троице славимаго Бога, Отца и Сына и Святого Духа, во веки веков. Аминь.

Молитва святителю Иоанну Тобольскому

О святителю Христов Иоанне, Божию Престолу со святыми предстои! Ты еси отец наш любвеобильный и молитвенник наш теплый. Умоли Господа Бога, да подаст нам коегождо потребно полезная: скорбящим утешение, немощным здравие, заблуждшия да наставит и обратит на путь покаяния, распри и раздоры умирит, неведущия Христа люди на путь спасения да обратит и всех нас единением духа и любви в Единей Святей Своей Церкви соединит, да сохранит нас от глада, града, труса, потопа, огня, меча, междоусобных брани и напрасных смерти, наипаче же от искушений, облегающих нас в жизни сей, да дарует нам мирное пожити zde житие и веру свою Православную невредину соблюсти. О свя-
тый угодниче Христов, архипастырю, предобрый, молитвенниче наш неусыпный! От юности всего себе Богу посвятив, равноангельское житие стяжал еси, исполнен бе радости духовныя, яже озаряше светлость лика твоего и сердца верных утешаше, поистине бе светильник горяй и светяй, святолепно пожив, от Господа сподоблен бе дара прозрения, время кончины своя предуведа, моляся пред образом Пречистыя Богородицы, коленопреклонен не преставися; ныне проси Ю о нас, да будет нам Покровительница в сей многотрудней жизни и в час кончины наша да умолит Всеблагаго Господа сподобится нам в лице благоугодивших предстати Престолу Его и восхвалити в Троице славимаго Бога, Отца и Сына и Святаго Духа, во веки веков. Аминь.

Молитва праведному Симеону Верхотурскому

О святой и праведный Симеоне, чистою душею твоею в Небесных обителях в лице святых водворяйся, на земли же с нами неотступно пребываяй! По данной ти благодати от Господа помолитися о нас, милостивно призри на нас, многогрешных, аще и недостойне, обаче с верою и упованием к тебе притекающих, и испроси нам от Бога прощение согрешений наших, в няже впадаем множицею во вся дни жития нашего. И якоже прежде овым убо, от очных зельных болезни ни мало зрети могущим, исцеление очес, овым же, близ смерти бывшим, от лютых недугов врачевание и иным иная многая преславная благодеяния даровал еси, сие избави и нас от недугов душевных и телесных и от всякия скорби и печали и вся благая к настоящему житию нашему и к вечному спасению благопотребная нам от Господа испроси, да тако твоим предстательством и молитвами стяжавше вся нам полезная, аще и недостойнии, благодарне восхваляюще тя, прославим Бога, дивнаго во святых Своих, Отца и Сына и Святаго Духа в присно и во веки веков. Аминь.

